

16+

Сергей Пилипенко

Два звонка до войны

Сергей Пилипенко
Два звонка до войны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пилипенко С. В.

Два звонка до войны / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-532-07779-9

Книга познакомит читателя с одним из главных достижений советской разведки. Укажет на истинные причины войны, представляя внутренние портреты лидеров Германии и СССР, а также освещая их личные замыслы. Она же расскажет об инсценировке смерти Гитлера и его жизни после войны. Очень хорошо раскрыта личность Сталина и установлены причины репрессий. В целом, произведение широко представляет мало известные детали прошлого, которые в настоящее время будут интересны всем, без исключения.

ISBN 978-5-532-07779-9

© Пилипенко С. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пелена	8
Глава 2. Мосты	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пролог

Жизнь, так несоизмеримо богатая на чудеса, все же случается. Иногда, действительно, бывает так, что кому-то просто повезет.

И в этом нет какого-то тайного наклона судьбы, внутреннюю тяготу к которому порой испытывают многие, и там же нет так называемого жизненного порога, который кое-кому все-таки удалось переступить.

Все это именуется просто жизнью. Такой, какая она сама по себе есть, и какой, возможно, уже не будет никогда, случись родиться в следующий раз где-то там, на Земле, в самом далеком от судьбы поселке, как бы специально затертого природой с целью его наименьшего обнаружения той же жизнью.

Мы не будем говорить здесь о душе и о ее качествах, а просто дадим одной из них просто в пору высказаться, как то делалось уже не раз с помощью так называемых новейших и сверх секретнейших технологий.

Но в то же время их разработали не мы и даже не те, о ком, собственно говоря, пойдет далее речь. Их создали и подготовили для нас другие, которые стоят у нас за спиной и все время остерегают от злого глаза человеческой судьбы.

Я не буду раскрывать секрет приготовления современного, на мой взгляд, чтива, но я буду по ходу раскрывать вам портреты, или самые живые описания тех личностей, которые присутствовали на Земле и от которых по-настоящему высветился уже наш сегодняшний день.

Здесь будет представлено многое, и в том самом вы будете разбираться сами. Так повелел нам тот, от кого непосредственно и зависит наша жизнь, запечатлевшая на своем веку там много человеческих образов, что впору их начинать сопоставлять с чем-то действительно роковым.

Ибо простое, как правило, запоминается слабо, или не отражается в среде так рьяно. Другое же просто врезается в память Земли, не зависимо от того – хочет она того или нет.

В это трудно поверить сейчас, но все же попробуйте. Наша Земля запечатлела все то, что пронеслось особенной болью во многих сердцах, и глубоко спрятала в своих земных кладовых, о которых сегодня я просто промолчу, так как не хочется вновь поднимать так называемую научную тему.

У нас достаточно слов, чтобы и без того воспринять сей надиктованный временем материал, понять его правильно и прикрепить к самой жизни именно с той стороны, где он и должен быть по-настоящему в наше не простое современное время.

Мы исказили все. Мы даже несколько попрали суть того, что произошло когда-то. Ибо мы поверили в то, что зло сотворили сами, хотя никто из нас лично к нему самому даже не приложил мысль.

Но такое бывает, и кровавое побоище, которое мы уже сегодня наблюдаем – есть именно то, о чем я хочу вам сейчас рассказать, как бы трудно мне самому не было со всем ним бороться, ибо человеческая душа – по-настоящему сложное дело в процессе ее жизненного освещения. И это обычная душа.

Что же касается тех, что врезались даже в память Земли, то их вполне очевидная и не наигранная сила вовсе не шутка для простого человека, пытающегося с помощью ее же добыть для себя и всех именно ту информацию, которая на сегодня нужна.

В ниже представленном произведении не будет никаких ссылок на источники исторической правды, не будет по-настоящему того, что можно именовать обычными доказательствами.

Но, по сути, они уже не нужны. Все, что было – сплыло, а сами документы надежно упрятаны именно там, где им и отведено место быть по своему характеру назначения.

Потому, не стоит удивляться тому, о чем вы непосредственно узнаете, и не стоит искать беспричинно хоть какую-то долю каких-либо так называемых доказательств.

Мне не раз приходилось сталкиваться с тем, что многие, не найдя вполне жизненных подтверждений указанным фактам прошлого бытия, просто отказываются во все поверить. И вполне естественно определяют нечто подобное в совсем другую категорию художественно отображенных событий.

Что ж, я не могу упрекнуть хоть кого-то, и по-своему они, конечно же, правы. Но вместе с тем, не могу письменно представить и что-то другое, как говорится, в угоду именно тому, что уже гласно объявлено, и с тем самым смирилась сама наша настоящая жизнь.

Ибо это будет неправдой уже с моей стороны. И я такого, соответственно, не допущу.

А потому, останемся при своих убеждениях, и не будем создавать дополнительных разногласий, которых и так предостаточно в нашей среде.

Мы можем много говорить и о том, и об этом, но не вспоминать о войне просто не в силах. Ибо она была, есть по-прежнему ее живые свидетели, и есть те самые люди, которые предали наши общие интересы уже тогда.

И вы все это прекрасно видите. И лично для меня, да, думаю, уже и для многих других это понятно и ясно. Какие тут доказательства еще нужны?

Обагрённая кровью победа досталась с превеликим трудом. И только реальное мужество людей, и их личная доблесть позволили совершить тот настоящий подвиг, отвоевав мир согласия для всех остальных.

Цену победы мы знаем. Остается только одно. Доценить мысленно все то, что произошло, и не допустить в среду проникновения вновь так называемого фашизма, что лицезреет уже сейчас у нас на глазах.

И если кто-то одурманен самим временем или просто не понимает, что там к чему, то все остальные должны неминуемо встать на защиту того, что свершилось ровно 70 лет назад.

Эта победа доставалась в слезах, в общем горе объединенного под одним знаменем победы советского народа. И кому, как не ему самому, а не кому-то другому и, можно сказать по правде, совсем постороннему, что-то там решать и пересматривать уже в настоящее время. Это просто недопустимо.

И этого не будет позволено никому.

Все так называемые ошибки уже современные народы учли и уже нет торжества злой, распаханной временем идеи, и уже нет того реального стремления к весьма затейливой модели так называемого коммунизма.

Люди прозрели, но все же не до конца. Отрицая то самое негативное прошлое, они отрицают и то, что далось с таким трудом и ценою жизней многих миллионов людей. И это неправильно.

И уже сейчас необходимо понимать это и с особой осторожностью упоминать то, что когда-то было в Советском Союзе, и практически не мешать с тем, что мы сами хотим построить уже сейчас.

Россия была и будет, и да, поможет ей в этом Бог. Но растущее поколение молодых людей должно качественно понимать и уже различать, где правда, где ложь, а где просто откровенное вранье.

Они должны осознавать все содеянные ранее ошибки и должны правильно воспринимать все то, что действительно добыто только трудом, кровью и целым поколением людей, оставшихся по-настоящему без своей личной жизни и так называемых удовольствий Земли.

Они все то пережили и перенесли на себе. И все оно отложилось в их памяти, а значит, перенесется в другую жизнь, которая выразит то самое мнение в самом непреклонном варианте его современного восприятия. И тому есть уже реальные подтверждения. Но я не буду о них говорить, ибо вы их, если захотите, обнаружите сами.

Потому я просто перейду к фактам изложения той самой истории, которую уже нашим предкам удалось пережить.

И она, естественно, отобразилась во многих душах, которые и по сей день хранят свою тайну, опечатанную временем самого содержания ее в среде.

Но, как и всякое тайное оно, непременно, становится явным и хоть когда, но все же будет по-настоящему обнародовано.

Интересно это кому или нет, думаю, определит само время, которое само по себе является непозволительной роскошью для нас самих в плане так называемого досрочного умственного созревания.

Все это я веду к тому, что, отрываясь на такого рода, художественного смысла зачистки чьих-то там душ, у меня, естественно, меньше остается времени на освещение более актуального на сегодняшний день материала.

Но иногда все же хочется просто оторваться ото всего и рассказать именно о том, что по-настоящему осталось за семью замками секретности и вряд ли вообще хоть когда-то и кем-то будет обнародовано.

Есть так называемые тайные дела, и есть намерения самих душ или их вполне земных представителей, что когда-то проживали на ее территории.

И о них в действительности пойдет речь, и о них вы же узнаете в первую очередь. Ибо это и есть истинное обнародование всего того, что когда-то там произошло.

И никакими фактами, пришитыми неизвестно откуда, так называемый рот тех самых душ не заткнешь. Им это не нужно, да и нет смысла удерживать при себе такое количество грехов, которые и исповедовать страшно им даже лично себе.

Об этом я вам и поведаю, и что бы ни говорили так именуемые историки, правда сама ляжет вам в головы.

Чудеса всего лишь науки. Это самое простое объяснение, которое я могу дать всем вам сейчас, если вы вдруг вознамеритесь все то опротестовать в своей внутренней мысленной форме.

Но так и сложен современно сам человек, который призван убедительно не доверять никому, кроме самого себя, да и то, только по возникновению крайней нужды.

Вот к чему привело все то, что именуется политикой, а в простонародии – просто властью.

Но ничего. Всему этому приходит конец и на смену одному режиму уже спешит абсолютно другой, который не вполне оправдывает так называемую совместимость и который по-настоящему ненавидит все то, что относится к нечеловеческому.

А пока у нас есть время познакомиться с тем, о чем говорю, и, соответственно, вскоре мы к тому и приступим.

Сделаю всего лишь самое небольшое отступление и скажу.

Немыслимо воистину обладать всем тем, чем в своей собственной простоте может обладать какой-то простой и конкретный человек.

Силу нельзя угадать по виду или так называемому внешнему отражению.

Она всегда располагается внутри и будь вы даже по-настоящему гением, без особого дара все же ее не распознаете.

Дар – это, прежде всего, прилежание и самое жестокое повиновение времени или тому его моменту, в котором оно уже само испытывает по-настоящему необходимость.

Дар – это также никем не выявленная и не представленная наружно сила. Ибо это всего лишь дух, а он измеряется абсолютно в других единицах.

Попробуйте это понять на досуге и применить именно к тому, к чему нас всех действительно реально и уже сейчас призывает время.

С уважением, автор. И всего Вам хорошего.

Глава 1. Пелена

Москва. Кремль. Кабинет тов. Сталина. 1939 год.

Человек, вошедший в кабинет Сталина, был больше похож на военного, нежели на того, кого он внешне из себя представлял.

Широкополая шляпа надежно прикрывала его лоб, а широкий шарф не позволял рассмотреть его довольно худое лицо и впалые по-своему глаза.

Под ними во все стороны растекались круги, и было совсем непонятно от чего, то ли от перенесенных когда-то давно побоев, то ли просто от усталости, которую лично ему уже никогда не удалось бы победить.

Это был человек злой воли и по-настоящему его имя не знал никто, даже сам Сталин.

Надежно упрятанный в придуманную кем-то легенду, тот человек уже и сам позабыл свое настоящее имя и откликался только на кличку подобно простому животному, находящемуся на цепи у хозяина.

Именно так и называли за глаза самого Сталина, но только лишь те, кому по должности это позволялось делать.

Те же, кто ниже или, как говорится, еще ниже, не говоря уже о тех, кто просто никто, за такие слова уже давно парились в лагерях и там чтили память всем своим прошлым поступкам.

Трудно сказать по-настоящему привели ли те мысли к их же мысленному высвобождению, к которому они так тянулись сперва, но казенная лагерная повседневность навсегда искалечила им жизнь, претворяя ту самую мысль в некое погонище и позорище на всю страну.

А страна была, сами знаете какая. То была страна советов или красных, как их еще называли по старинке те самые заморские и во многом купленные буржуа, которые еще только вчера кричали против, а сегодня, согласившись на карт-бланш, внезапно все стали на сторону так называемого вождя.

Но человеку, вошедшему к Сталину, как говорится, было не до таких мыслей и он, немного откашлявшись, произнес свою незатейливую речь.

– Здравствуйтесь, товарищ Сталин. Очень рад вас видеть, – и человек вполне дружелюбно подал руку для пожатия.

Сам вождь несколько помедлил, как всегда, с ответом, но все же и сам протянул руку и как-то с неохотой ее пожал.

Это было лишь слабое, такое утечливое соприкосновение, но тот человек это почувствовал, и даже немного резко отдернул руку назад.

Сталин также подметил это резкое движение и в шутку сказал:

– Что, горяча рука свободного пролетариата?

И тут же засмеялся, словно призывая того человека к более мирной беседе или общей разрядке той напряженности, что внезапно возникла в кабинете.

Человек сбросил шляпу и, несколько ослабив шарф, произнес:

– Что вы, товарищ Сталин. Не в горячем пролетариате суть. Это я так. Наверное, с непривычки. Мне ведь редко случается, кому пожимать руки. Такая уж у меня работа. Так что, скорее всего, это просто привычка.

– В вашей работе привычки многого стоят, – многозначительно подчеркнул Сталин, усаживаясь в свое любимое кресло и наблюдая за человеком, словно действительно за каким-то животным, всего лишь на время высвободившегося из-под цепи.

Человек, естественно, все это почувствовал, но виду не подал и, так и продолжая стоять, начал вести свою речь:

– Не буду терять времени, товарищ Сталин. Разрешите доложить обстановку и на том удалиться. Сами понимаете, что время не ждет.

– Да, не ждет, – волне серьезно произнес вождь и рукой пригласил человека присесть на огромный в его кабинете диван.

Тот неуклюже подвинулся к нему и, как это обычно со всеми и бывало, несколько неловко пристроился на нем в ожидании команды для доклада.

– Продолжайте, – коротко бросил Сталин и, прикрыв лоб рукой, несколько притих в ожидании самого доклада.

Человек долго не медлил и произнес:

– Я с плохими вестями и, можно сказать, с того света.

– Дальше, – резко ответил тому руководитель, продолжая удерживать руку возле лба.

– Гитлер решил напасть на Польшу. Ну, а дальше, Советский Союз.

– Когда? – вопрос прозвучал строго и так же непрекословно, как и все остальные, проносящиеся в этом кабинете слова.

– Первого сентября.

– Откуда сведения?

– Из самого надежного источника. От врагов.

– Они еще пока не враги. Не стоит забывать об этом, – несколько подытожил Сталин их короткий разговор.

– Да, знаю. Это так, вырвалось, – несколько судорожно произнес человек.

Все же, время от времени, даже ему становилось страшно от таких коротких, словно стреляных речей, брошенных в его сторону.

– Это вам непозволительно, – снова строго напомнил Сталин и на время оторвал руку от головы, – кто стоит за всем?

– Америка?

– Америка?.. – в удивлении даже немного приподнял брови Сталин, наверное, удивившись этому известию больше всего.

– И Англия, – сухо добавил человек, словно сам выстрелил в своего оппонента.

– Ну, эти понятно, – коротко вздохнул Сталин и немного приподнялся в кресле, чтобы несколько изменить позу, принятую им вначале.

Он снова надежно уселся в кресле и пристально посмотрел человеку в глаза.

– Это надежные сведения? – спросил он, очевидно, в душе подозревая какой-то очередной подвох.

– Да, самые точные и самые надежные. Состоялась беседа. Я присутствовал там лично.

– Чем обусловлено. Какова мотивация? – коротко бросил Сталин, лишь на время прикрыв глаза и снова приложив руку в своему лбу.

– Мотивация проста. Польша предлог. Советский Союз должен быть уничтожен и восстановлен по назначению.

– Это как? – искренне удивился Сталин и даже приподнялся на своем месте.

– Ресурсы, товарищ Сталин. Все дело в них. Америка – развивающаяся страна и всюду стремится расширить свою промышленность и, естественно, добычу полезных ископаемых. А их у нас много, вы сами знаете.

– Как они обо всем узнают?

– Разведка, да и своих шпионов предостаточно. Много болтают, гордясь успехами, выбалтывают лишнее.

– Это верно, – согласился Сталин и не вполне естественно для себя прошелся по кабинету, пока докладывающий товарищ сидел.

Тот хотел было вскочить, но тот рукой придержал его на диване.

– Интересные сведения, не находите? – полюбопытствовал он, глядя тому в глаза и, очевидно, не доверяя ни одному единому слову.

– Да, интересные, – сухо ответил человек, немного сжавшись на своем месте.

– Но воевать с Америкой мы не будем? Это я верно понял? – в упор спросил вождь, так же пристально глядя человеку в глаза.

– Да, с этим вполне справится Германия. Они надежно сейчас ее экипируют и поставляют всячески различную продукцию для подготовки к войне.

– А как же они сами? Останутся в стороне вместе со своими родными братьями? – спросил Сталин, очевидно, имея в виду англичан.

– Как всегда, выйдут сухими из воды, – процитировал человек свою фразу.

– Я этому не верю, – неожиданно резко выкрикнул Сталин, и даже почувствовалось, как охрана по ту сторону двери вся мгновенно напряглась.

Человек устало пожал плечами и просто ответил:

– Вы ничему не верите, товарищ Сталин. Что я могу поделать? Чем доказать?

– Привезите записи разговоров, – посоветовал Сталин, повернувшись к тому спиной и направляясь к креслу, чтобы снова присесть.

– Никаких записей быть не может. Гестапо меня обыскивает так, что ни одна дырка в теле не остается без просмотра, – почему-то горько усмехнулся человек.

– Действительно, так? – удивился почему-то вождь и даже, как показалось самому посетителю, проникся к нему жалостью и симпатией.

– Да, так действительно, но я не жалею. Работа – есть работа.

– Подождите, а как же сами представители? Что и их тоже?

– Да, точно так же. Гитлер никому не доверяет. Поручил Гимmlеру установить слежку даже за самим собой.

– А это зачем? – искренне удивился Сталин и немного потянулся вперед, чтобы как можно ближе услышать ответ.

– Кто его знает. Начитался всякой бредятины, вот и бредит. Никому вообще не доверяет, а к себе подпускает лишь тех, кому лично позволил проделывать то же самое.

– То есть, у него есть круг лиц, которые вполне естественно с ним общаются? – уточнил собеседник.

– Да, есть, но очень узок. Все те узанные и увенчанные его внешностью люди где-нибудь на природе или где-то еще, всего лишь двойники. Их понаплодил много.

– Зачем? – удивился Сталин. – Так ведь и сам себя через время не узнаешь? – то ли спросил, то ли утвердил он, слегка потирая свой лоб рукой.

– У меня все, – внезапно сказал человек, мгновенно выпрямившись на своем диване, словно принимая какую-то вполне подходящую для этого позицию.

– Постойте еще. Не время уходить, – и предусмотрительно поглядел на часы, которые показывали два часа ночи.

Самое любимое время Сталина, в котором он мог оставаться сам с собой наедине и со своими бродившими вокруг мыслями.

– Скажите, а зачем вы приехали? Вам нужно было оставаться там. Ожидать развития ситуации, – внезапно продолжил он, ставя тем самым человека в весьма неудобное для него положение.

Вроде бы и задание выполнил, а вроде бы и нет, в одно и то же время. Он даже привстал на минуту и тут же резко доложил:

– Поступил приказ. Немедленно прибыть в Москву.

– Да, приказ, Вечно они торопятся с этим, – проворчал вождь и нервно заерзал в своем кресле.

– В общем, так. Возвращайтесь обратно. Прямо в само логово. И оттуда ни шагу, вплоть до самой войны.

– С кем? – неожиданно для Сталина спросил человек.

– С нами, – спокойно ответил вождь и на минуту задумался.

– Вы думаете, они позволят себе... – начал производить речь человек, но Сталин решительно махнул рукой и усадил его обратно на диван, тут же отвечая:

– Позволят и еще как, но мы попробуем их опередить. Нам нужно точно знать время нападения на нашу страну. Вы меня поняли?

– Да, так точно, товарищ Сталин. Как об этом доложить?

– Какая у вас связь с центром?

– Обычная радиосвязь через нескольких лиц. Обо мне вообще никто не знает.

– А Гиммлер? – хитро прищурил глаз Сталин. – Как же его удалось провести?

– Для этого есть свои хитрости, – ответил человек и продолжил, – так как мне тогда об этом сообщить?

– Звоните, – неожиданно принял решение Сталин.

– Как звонить и кому? – несколько опешил то такого развития беседы человек.

– Мне звоните?

– Но я же раскроюсь и засвечусь. Все будет потеряно.

– А вы не бойтесь. Все будет организовано. Получите шифровку, в случае чего мгновенно возвращайтесь обратно. Нам нужны будут ваши сведения обо всех участниках этого сговора. Вам понятно?

– Да, товарищ Сталин.

– Тогда, идите. Хотя нет, постойте. Ни пуха, вам ни пера.

– К черту, – выронил человек и со вздохом мимолетного облегчения вышел из кабинета. Сталин, постояв с минуту, неожиданно рванул к выходу и довольно резко открыл дверь. – Верните ко мне этого человека, – быстро сказал он уставившемуся на него в недоумении охранника и снова зашел в кабинет, закрывая за собой дверь.

Слушаюсь, так точно... – только и успел услышать он, как дверь плотно закрылась, надежно щелкнув его секретным английским замком.

Услышав звук щелчка, вождь передернул плечами и тихо проговорил:

– И здесь Англия. Когда же ты, наконец, успокоишься?..

Задав самому себе этот вопрос, Сталин стал напряженно о чем-то думать, то и дело, пытаясь раскурить свою погасшую трубку.

Наконец, это ему с трудом удалось и он с облегчением вздохнул, вдыхая в себя целую лавину поступающего из нее дыма.

В это время в дверь снова постучали и попросили разрешения войти.

Оно прозвучало несколько глуховато, но Сталин расслышал и громко сказал:

– Войдите, разрешаю.

Такая мера предосторожности была весьма предусмотрительной с его стороны и позволяла в какой-то мере предотвращать утечку самых важных сведений из его личного кабинета.

Окружив себя достаточно надежными людьми, он не боялся так называемого покушения, но всячески предпринимал меры осторожности, если речь касалась выдачи каких-либо государственных важности секретов.

В этом-то и заключался смысл произнесенного им самим словосочетания, словно поясняющее всем остальным, что теперь действительно можно войти и не обнаружить в его кабинете ничего секретного.

Втайне от всех Сталин все же занимался, или увлекался спиритологией, и поочередно вызывал каких-либо духов. Бывало даже, что они ему подчинялись и разговаривали по-своему.

Долгими ночами он порой засиживался в своем кабинете, то и дело, устремляя взгляды куда-то в потолок, словно там могло существовать то, что для него еще неведомо на этой Земле.

А ведал он очень и очень многое. И вполне можно было бы говорить, что знал обо всем. Так налажен был весь аппарат его личного оповещения, о котором не знал практически никто, кроме него самого.

Куда там тому Гитлеру с его причудливыми прибабасами, как сам Сталин говаривал иногда, наблюдая за кадрами демонстрирующей для него хроники, в которых фигурировала указанная личность.

Вождь окружил себя теми людьми, которые в любой момент могли бы его по-настоящему предать. И он знал это точно так же, как и то, что солнце каждое утро встает с восточной стороны, а заходит с прямо противоположной.

Он прекрасно понимал человеческие натуры и вел с ними настоящую игру в так называемые кошки и мышки. Никто не догадывался об этом, но зачастую, меняя одного кадрового работника на другого, он просто перебирал фишками на своей постановочной доске, чтобы вовремя, как ему самому казалось, уловить факт такой измены, или предотвратить то, о чем постоянно думал с момента смерти великого вождя.

К самому Ленину Сталин относился с уважением и не давал повода померкнуть его имени ни на минуту. Возможно, что-то по-особому ревнивое и заигрывало где-то внутри, но он не давал ему волю, так как понимал, что одному по той же дороге ступать будет значительно труднее.

Чего только стоила ему борьба с так называемыми троцкистами, да и другими так же, которых он сам, по сути, считал предателями не только своей страны, но и самой обыкновенной идеи, которая для самого Сталина являлась священной и самой главной целью достижения его верховной жизни.

Такую жизнь он сам для себя обозначил давно и предложил лично создать так называемый верховный комитет, в который, естественно, входил сам.

Это была прямая дорога к тому, о чем он мечтал, а именно к самому прямому управлению тем государством, которое своей общей болью целиком и полностью возлагалось на его плечи.

Нет, он не стряхивал с себя так обозначенную общую заботу о народе или о его благе, но вместе с тем он управлял лично тем, чтобы эти блага, прежде всего, отражались идейно на нем и только затем какими-то действительно социально значимыми преимуществами.

Говоря проще, он не хотел допускать разврата души, о которой он, как истинный спирт, знал, но вполне естественно не мог говорить об этом привселюдно. Ибо, признай он это, то тут же необходимо было бы признавать и церковь, как основу сохранения и распространения знаний души.

А этого он допустить не мог. Ибо создавать двоевластие в стране, мечтающей о своем экономическом успехе, было просто непозволительно.

Потому, по-своему он прижимал церковь, но все же не позволял особенно усердствовать тем, кто – то ли намеренно, то ли по своей обычной глупоте, носился не только с идеей, а и с практическим исполнением полного уничтожения всех приходов и даже маленьких часовен в богом забытых русских деревнях.

Были, конечно же, и такие. И их действительно время понаплодило много.

По-настоящему уставшие, в своих оборванных и грязных рабочих или подмастерных майках одни и те же люди с одной стороны строили новую жизнь, а с другой – уничтожали старую, желая поскорее забыть все то унижение, которое досталось им от прежней власти.

Никто не мог точно или с уверенностью сказать, что так повелел товарищ Сталин, но все ссылались именно на него, когда дело действительно доходило, как говорится, до ручки, и уже лично ему самому приходилось подписывать те документы, которые он никогда в жизни бы не подписал, будучи на каком-то другом месте, занимаемом в том же государстве.

Но он не мог поступать по-другому, иначе рушилась бы общая идея, а после нее уже совсем завещательно порушился бы и весь государственный строй.

Еще был жив Ленин, и он же писал, что, построив так называемое социалистическое государство, народ обретет иную веру в себе, и та вера его погубит по-настоящему. Поэтому

идея воспетого всеми коммунизма гораздо важнее широко процветающего социализма..., ну и так далее.

Конечно же, все эти слова лично сам Сталин убрал, внимательно перечитывая все достоинства прежнего вождя. Придал ли кто еще тому такое же значение, Сталин, естественно не знал, но на всякий случай сохранил подлинники и надежно упрятал в одном из потаенных мест Кремля.

Бог знает сколько там закопанных тех самых вещей, о которых так мечтают все историки и археологи. Но великий государственный деятель того времени запрещал копать в так называемом кремлевском саду и тем более, перебирать хоть какие-то там стены.

С одной стороны он боялся, что обнаружат его так обозначенные кладовые, с другой – раскроется еще что-то более важное, которое может привести к полному краху всего государства.

А этого он допустить не мог, и практически до самой смерти в нем все время присутствовала идея так называемого сильного и мощного, но не обустроенного до конца социалистического государства.

Нет, он не хотел видеть его завершения или краха, а потому всячески и оттягивал все так называемые социальные выплаты населению и что-то подобное во всех иных сферах деятельности самого государства.

Он свято верил уже своему вождю и, убедившись на деле, понимал, что тот был основательно прав, как в отношении кризиса государственного строя, так и в отношении людей, которые его и представляют.

Винить уже сейчас того Сталина мы не можем, ибо понимаем и должны понимать, что произошло, как с нами самими, так и с совместно обустроенным государством.

Потому, все это останется на совести так называемой истории, которая непосредственно указывает так обозначенное величие ума целой нации или такого характера целого объединения под одним знаменем идейного и порой безудержного общего патриотизма.

В то же время Сталин был прагматиком своего времени и не исключал возможности самого настоящего присоединения других территориальных участков земли, к которым непосредственно относил и Германию.

То, что там развивался абсолютный тоталитаризм и во всем присутствующий экстремизм, он видел с самого начала.

Видел также и то, что под общим лозунгом «гешефтовых» побед проваливался зачастую сам план социальной переобустроенности населения, что представляло основной костяк Германии.

И он понимал, что они потребуют от Гитлера большего, но добровольно уже сам Сталин ничего отдавать, естественно, не собирался.

А потому, в душе у него созрел план так называемого некардинального объединения с представителями того государства и вовлечения уже его материально движущих средств в непосредственно свое экономическое развитие.

Говоря проще, Сталин хотел и частично поднял еще до войны именно тот базис экономического благоустройства государства, который был так ему необходим для объявления еще большей независимости от всего мира.

Не покидала его мысль и о своеобразном расширении границ Советского Союза, ибо, чем дальше они от Москвы, тем больше времени для принятия какого-то определенного решения в минуту срочной опасности.

Все эти мысли ходуном бродили вокруг его личности и, можно сказать, не давали ему спокойно отдыхать. И спал он, действительно, очень мало, предпочитая так называемому сну живое предвечернее бдение.

Так он именовал своеобразно образовывающуюся им самим дремоту, благодаря которой он вроде бы как немного отдыхал и в то же время не предавался чистому забвению сна, так сказать, по-настоящему.

Этим самым он спасался от преследовавших его издавна ночных кошмаров, выступающих в образах тех самых душ, которых он сам непосредственно загубил.

Но, то были его тайные грехи, о которых он знал только лично и никому другому, вполне естественно для него самого, не рассказывал.

Зато знал премного о грехах других, но особо винить их в том не старался, понимая, что, очевидно, и они пытались «своими лапками зацепиться за жизнь или нацарапать ее небольшие строки».

Да, именно так он представлял в себе всех остальных, и ему почему-то казалось, что весь мир полон именно таких людей, которые, по большому счету, и людьми назывались только благодаря своему внешнему облику.

В чем, в чем, а в душах Сталин разбирался наиболее. Он просто их чувствовал и даже каким-либо образом жертвенно преподносил.

Он так и говорил про себя.

Пусть эта душа пойдет в жертву нашему общему делу и навеки сплотит весь наш народ до самого конца.

Каков будет конец, он и сам смутно представлял, но все же благодаря каким-либо очередным теоретикам времени, Сталин пытался построить именно ту модель, которая в его сознании понравилась бы только ему.

Существо Бога он, естественно, отрицал, как и все неверующие в то время, но частично как бы допускал, веря по-настоящему, что душа есть, а значит, есть и непосредственно то, что за нею может следить.

Именно слежка стала самым непосредственным его увлечением, и в конце своей жизни он все-таки выразил окончательную точку своего личного убеждения, которая все же допускала, что так называемый Бог вполне очевидно есть.

К такому факту собственного уразумения он пришел благодаря личным, добытым непосредственно в жизни аналитическим свойствам своего ума.

Зачастую сравнивая какие-либо реально исполненные дела и саму окружающую обстановку именно на период их исполнения, он находил так называемые периодические неувязки.

Что обозначало лично для него какое-то дополнительное сомнение в присутственной величине силы свершившегося в тот или иной момент его жизни события.

Таким образом, в деле непосредственного свершения процесса участвовала какая-то третья сила, величину которой он уже не мог объяснить величиной силы духа или чего-то еще.

Это была сила гораздо большего и, как говорится, всепобеждающего характера, которая сами обстоятельства того или иного процесса обкладывала таким образом, что им бы просто вообще некуда было деться в случае чего.

Своеобразно, это было присутствие одних жизненно образующихся обстоятельств в значительно больших по своей степени выражения других, истинную величину которых можно было только предположить, исходя из деятельности уже своего природного ума.

Так заключил для себя Сталин, и именно это помогло добыть ему победу в той самой войне, о которой на сегодня он пока еще не знал, но все же готовился и подчинялся только своему уму.

Все, что не готовил Сталин, приносило лично ему так называемую присутственного характера неудачу.

Потому, со временем, во всяких практических делах он целиком и полностью положился на так называемых специалистов, а все так обозначенные стратегические рычаги управления взял непосредственно в свои руки.

Таким образом, он давал возможность периодически высказываться по существу самих дел именно тем людям, которые непосредственно ими же и занимались, и лично уже ему только оставалось дать указание или подписать какой-либо исходящий от него же документ.

Таким образом осуществлялась не единолично целенаправленная и выраженная псевдомонархически власть, а лишь вырабатывалась непосредственно под ее руководством именно та линия поведения государственного чиновника или деятеля, которая и должна была присутствовать на тот момент времени по существу.

Тем самым Сталин добился самого серьезного успеха в экономических делах и заслужил вполне искреннее признание среди коллективов людей, разрабатывающих или представляющих ту или иную технически обустроенную мысль.

То есть, по-своему он завоевывал свой признанный всеми авторитет, ибо давал повод для того, чтобы любая мысль так называемого подчиненного ему народа имела вполне выход наружу, или в так называемую атмосферу труда и общего сплочения.

Но это не единственная заслуга Сталина и остальные будут еще рассмотрены нами чуть позже, когда глава следующая перекинет нас всех непосредственно к войне.

А пока же он сам предавался своим собственным мыслям и по-своему очень близко рассуждал о своем враге.

Гитлер поступал по-другому. Естественно, он так же боялся за свою жизнь и окружал себя теми, кому вполне предметно доверял.

То есть, теми, кто двигал его самого вперед, в лице так называемых друзей по партии.

Но те же друзья иногда подводили его, а потому он еще более ограничил круг сближений и создал целую сеть различных структур, которые подчинялись лично ему.

Они все докладывали о своих делах, при этом считали обязательным упомянуть и о своих оппонентах. То есть, о представителях других служб, примерно параллельно курирующих многие вопросы, связанные с жизнедеятельностью государства.

Так Гитлер узнавал о делах многих, и во всей Германии присутствовала так называемая нацистская тотальная слежка. Хотя именно такую окраску начали давать уже после войны, когда, как говорится, победа была добыта, а все дела подлежали полному разбору.

Сталин давно отошел от такого варианта укрывательства, так как понимал, что, если его захотят убрать, то всегда смогут найти, как подобраться.

Потому, он решил пойти сам по маршруту его злопыхателей и найти решение вопроса непосредственно в самой жизни, что значит, через людей, или так обозначенных подставных лиц.

Это были самые обычные люди, владеющие, само собой разумеется, каким-либо знаниями и занимающими руководящие посты.

Все их действия строго координировались самим Сталиным, и время от времени они докладывали ему, как идут дела в самой стране, и в частности, здесь наверху, в окружении его самого.

Таким образом он узнавал, готовится ли что-нибудь лично против него, или имеется ли общий заговор против советской власти.

Участвуя во всей этой игре, указанные лица даже не подозревали о том, что их просто напросто используют, и даже гордились так называемым знакомством лично с товарищем Сталиным.

Естественно, таких побаивались в их же окружении, но, тем не менее, принимали за своих, так как сам Сталин очень редко о себе давал знать, и не создавал поводов для так называемых разговоров.

Потому, сами разговоры он зачастую прослушивал сам лично, благодаря тем самым людям, а иногда мог даже присутствовать где-нибудь за стеной или наблюдать через очень тонко просверленное отверстие.

Он любил заниматься этим лично и старался куда-либо не опаздывать, если его приглашали по так называемому настоящему приглашению посетить с точно указанным адресом.

Такие, аккуратно сложенные записки он получал довольно часто и так же часто отправлялся куда-либо погулять, как он уже сам объяснял охране, держа ее на довольно порядочном расстоянии от объекта своего наблюдения.

Естественно, охране такое положение вещей не сильно нравилось, но деваться было некуда и приходилось мириться с такими проделками хозяина.

Бывали случаи докладов о не позволительном для руководителя государства пренебрежении присутствием охраны, но после некоторых чисток таких рядов, все заметно успокоилось, и уже никто не мешал ему делать то, что он и хотел.

Конечно же, все это проделывалось в Москве и лишь в редких случаях, сам Сталин по настоящему пускался в бега.

Отсутствовал он недолго и для этого привлекал сеть сотрудников международного ведомства, одним из которых и был так называемый «молчун», который только недавно вышел из его кабинета.

Самого Сталина в моменты его периодического, но все же довольно редкого отсутствия, практически никто не заменял, и все покрывалось тайной или прикрывалось какой-либо протекающей болезнью.

Зачастую сами охранники, дежурившие под дверью, не знали точно, находится ли за ней руководитель государства или нет. Входить было строго-настрога запрещено, и такая своеобразная безответственность могла вполне обернуться расстрелом.

Все же государственного характера дела Сталин вполне естественно передавал кому-то из своих подчиненных и по-своему строго просил его лично не беспокоить некоторое время.

Таким образом, он избавлялся на время от всех дел и мог преспокойно наблюдать за тем, как страна сама по себе превращается в настоящее мощное государство, а люди так же по настоящему строят так называемый коммунизм.

Но это, если дело касалось простых людей, которым сам Сталин все же верил и им же каждому об этом напоминал.

В деле же всего начальствующего состава, как обозначал всех лично он сам, было абсолютно другое.

Он прекрасно понимал, что так называемая верхушка живет своей, так сказать, посреднической жизнью, которая никак не увязывалась с жизнью простого рабочего или крестьянина.

И он не верил их внешне выражаемому простодушию и горячим по-своему рукопожатиям.

Сталин понимал, что все они сволочи и пролезли во власть вместе с ним на коне того большого революционного настроения, который присутствовал в стране.

Он также отдавал себе отчет в том, что если бы нежданно-негаданно случилась какая беда, все они заблаговременно покинули бы страну, удирая со своих постов и бросаясь во все стороны, сломя голову.

Такие вещи он уже наблюдал неоднократно и требовал по таким случаям незамедлительного партийного разбора.

Собственно говоря, тем и объяснялись его расстрельные статьи, подписанные им лично, а также, так называемая особая жестокость по отношению к населению.

Да, он ненавидел буржуазию во всех ее видах, и он не очень-то хотел лицезреть всех тех, кто ее виды представлял даже в далеком от него на настоящий момент прошлом.

Он искренне хотел вычистить их ряды и предоставить все государственные должности для обычного и простого народа.

Такое иногда удавалось, но зачастую все его внутренние потуги оказывались безуспешными.

Новый состав, приходя к власти своего исполнения, незаметно для самого себя порождал то же самое и тем самым несколько злил самого вождя, пытающегося добиться настоящей партийной чистки рядов.

Кровавый бум всех тех внутренних переживаний пришелся как раз на предвоенное время.

Сталин хотел избавиться от всех тех, кто представлял собой хоть какую-то опасность в плане того, что в случае чего, мог перекинуться на другую сторону.

Все же он прекрасно понимал, что как бы не была хороша для многих советская власть и каких бы наград она не раздавала тем самым большим начальникам, испытавшим прошлое на самих себе, все же им лично именно этого и не доставало.

Говоря проще, они хотели так называемых очных привилегий, чего, соответственно, власть советов дать откровенно не могла, а значит, полностью перекрывала тем доступ к так называемому очевидному буржуазному успеху.

То, что за этим стремились многие, Сталин наблюдал лично. Ему абсолютно не были нужны доклады руководителей соответствующих ведомств, ибо всю обстановку он знал изнутри сам.

Процесс переназначений больно ударил по так называемой обороноспособности страны.

Сталин это прекрасно понимал и ему, соответственно, нужно было время, чтобы сформировать новые кадры и полностью перевооружить всю Красную Армию.

Он, естественно, торопился. Но торопились и те, кто был на той стороне.

Практически угадав то, чем занимался Сталин, Гитлер пошел на опережение его шагов и решил двинуть на Польшу, в дальнейшем создавая открытый плацдарм для широкого наступления на весь Советский Союз.

Такова ситуация мысленно обрисовывалась на тот момент в его голове, и он, заметно даже для самого себя, ею поочередно двигал то влево, то вправо.

– Я здесь, товарищ Сталин. Прибыл по вашему приказу – прервал его мысли возвращенный им человек и вытянулся во весь рост.

– Хорошо, – обронил Сталин и неожиданно резко повернулся к нему лицом.

Их глаза на секунду встретились, но тут же разошлись вновь, как бы предпочитая всю свою силу передать непосредственно словам.

– Я забыл вам кое-что передать, – медленно протянул после этого Сталин и, подойдя к своему столу, что-то там искал.

– Вот, возьмите, – протянул он небольшой сверток и вручил в руку сделавшему несколько шагов навстречу ему человеку.

– Что это? – немного обеспокоенно спросил тот, внимательно рассматривая то, что ему передал вождь.

– Это ваша удача, – объяснил по-простому Сталин, – наград я не предлагаю, так как они в вашей работе, по сути, ничего не значат. А это, – он постучал пальцем по небольшому свертку, – самая настоящая жизнь. Ваша жизнь, – почему-то достаточно строго и многозначно подчеркнул руководитель.

– Спасибо, товарищ Сталин. Служу Советскому народу.

– А вот это верно, – поблагодарил Сталин и пожал снова руку тому человеку, правда, гораздо крепче и сильнее.

И снова человек несколько поежился, но все же не одернул руку, как в прошлый раз, а так и стоял, в нерешительности, не зная, что предпринять.

Но Сталин сам опередил его с решением и, освободив руку, просто принес:

– А теперь, идите. И помните о том, что я вам сказал. Звоните мне лично.

– Есть, товарищ Сталин, – человек поднял руку вверх и преподнес ее к своей шляпе, после чего по-военному повернувшись, пошел к выходу и вскоре скрылся за дверью.

– Удачи тебе, герой, – тихо прошептал Сталин и направился к своему столу, очевидно, чтобы приняться за какие-то важные государственные дела...

Человек же пошагал далее и совсем скоро покинул Кремль, двинувшись по одному ему известному маршруту, который вряд ли привел бы его в жизнь, обещанную когда-то тем же товарищем Сталиным.

– Да, – подумал он про себя, – сколько воды утекло с тех самых пор, как я покинул Москву. Я даже не знаю теперь ее совсем. Ну, да что с того? Прошое уже не вернуть, – горько подчеркнул он сам для себя, подтягивая несколько шарф и еще больше нахлобучивая шляпу на голову.

Так он и шагал до самой цели своего в голове проложенного маршрута, пока не пришел к одному месту, которое показалось ему вполне знакомым еще по прошлым годам жизни.

– Зайти или не зайти, – подумал он про себя, несколько перемявшись с ноги на ногу, но тут же, видимо, поняв всю бессмысленность своей затеи и приняв окончательное решение, ступил резко в сторону и зашагал в направлении одного из вокзалов Москвы.

Вокруг было тихо, народу бродившего совсем немного, а потому такая дальняя по-своему дорога показалась ему вполне приятной и даже чем-то напомнила молодость с ее тревожной и суматошной жизнью.

Весна, хоть и была в самом крутом разгаре, но все же несла прохладой, освежая на ходу текущую череду его мыслей и не давая одновременно от быстрой ходьбы вспотеть.

Так он вскоре добрался до вокзала, взял билет и принялся ожидать поезд, который, судя по всему, должен был унести его в неизвестность, еще более подверженную опасности, нежели была до того.

Сам по себе приказ был для него ясен, но не ясным оставалось только одно – сам способ такого оповещения.

Человек не понимал – действительно ли Сталин имел в виду его полное раскрытие, а значит, соответственно, предрекал ему смерть, или же он предоставлял ему шанс хоть как-то выкрутиться при этом и оставаться дальше в расположении врага.

– Выполнить любой ценой, – тут же вспомнился ему голос одного из бывших его учителей по связному делу, отчего горькая усмешка пробежала по его лицу, да так и осталась на нем, запечатлевшись на некоторое время.

– Гражданин, гражданин, – кто-то потревожил его и потряс за его плечо, и человек, сидя на своем месте, круто развернулся, – вы не знаете, когда отходит поезд на Берлин?

Какая-то весьма недурно сложенная дамочка с дорожным саквояжем в руке и небольшой дамской сумочкой на плече тревожно хлопала глазами перед его лицом.

– Через час сорок минут, – ответил он, вскинув руку и посмотрев на часы.

– Надо же, не опоздала, – с облегчением вздохнула незнакомка и тут же спросила, – значит, вы тоже едете туда. В командировку или так.

– Так просто граждане СССР по границам не разъезжают, – тут же выговорил он ей, отчего та едва не отпрянула от него всей своей статью.

– Да, ладно вам. Фу, какой серьезный, я ведь просто так спросила. Вот я, к примеру, еду на симпозиум. А вы случайно не туда же? Из какого вы города?

– Из Москвы, – привычно буркнул он в ответ и тут же понял, что сделал ошибку, но быстро поправившись, добавил, – но сейчас проездом.

– Ну, ясно. А издалека?

– Из Горького, – брякнул он наобум, в надежде, что, наконец, дамочка от него отцепится.

Но не тут-то было, как оказалось.

– Ой, а у меня подруга оттуда. Вы случайно ее не знаете? Нелечка Кожемякина ее зовут. Она на медицинском факультете трудится?

– К сожалению, нет, не имел чести быть знаком, – как-то по-старомодному ответил Молчун, тем самым еще больше подзадорив к разговору свою, теперь уже можно сказать, потенциальную собеседницу.

Поняв, наконец, что от нее до самого поезда теперь не отвязаться, он жестом пригласил ее присесть рядом с ним, и завел тот самый непринужденный разговор ни о чем, который всегда может найтись между двумя абсолютно незнакомыми людьми.

Как выяснилось у Людочки, или Люсечки, как она сама вполне драматично представилась, было довольно много знакомых и друзей и особенно в среде тех, кто весьма правильно поддерживал партийную линию.

Сама она была во многом начитана, а потому беседа протекала просто и, можно сказать, незаметно. И совсем скоро время помчало их обоих на поезд, заставив перед посадкой, как следует, пробежаться и, естественно, понервничать, так как состав подали не на ожидаемый ними путь или, как всегда, не на тот перрон.

Но это не сильно огорчило новых знакомых, и они вместе погрузились в поезд, предварительно договорившись снова встретиться, когда все уляжется.

Наконец, с огромным и протяжным свистом поезд тронулся с места, и вся перронная суета внезапно прекратилась, предоставляя каждому свое поле для воображения в по-настоящему открытых вагонных окнах.

Но через некоторое время по всему вагону потянуло холодом, и все шумно загудели о том, чтобы все их закрыть или оставить только одно, да и то, с какой-нибудь одной стороны.

Вскоре и это затихло, и в самом вагоне наступила кратковременная тишина, которая весьма полезно сказывается на каждом, так как предоставляет вполне достаточно времени для того, чтобы о чем-то подумать и в дальнейшем претворить свои мысли в жизнь.

Молчун, а так звали по-настоящему нашего героя, если не придавать значения тому, что у него были еще и свои настоящее имя и фамилия, забрался к себе на полку и только собрался какое-то время подремать, как его тут же коснулась чья-то рука, отчего он вздрогнул и в некотором изумлении открыл глаза.

Это снова была она.

В своих мыслях и во всей этой вагонной суете он как-то на время позабыл о самой встрече и уже немного проклинал себя, что поставил даму в такое неловкое сейчас для нее положение.

– О, извините. Я немного устал, – как бы оправдываясь, начал он разговор, медленно сползая с предоставленной ему вагоновожатым полки, – знаете, эти переезды по большим городам. От них немного устаешь.

– А я и не думала, что от города можно уставать. Этот ведь не деревня, где все время нужно работать, – как ни в чем не бывало, промолвила его спутница и присела на небольшое место, образовавшегося по воле подтянувшего к себе ближе ноги другого пассажира.

– Шли бы вы разговаривать куда подальше, – внезапно мягко отозвался тот из-под одеяла, и уже через какую-то минуту, целиком и полностью предался храпу, ужас которого предстояло полностью пережить практически всему этому вагону.

Поняв, что будить его бесполезно, так как внезапно в воздухе сильно почувствовался запах перегара, Молчун жестом предложил своей собеседнице выйти, и они вместе продефилировали в конец вагона.

Ресторан, соответственно, в такое раннее утреннее время был еще закрыт, а потому им пришлось расположиться в тамбуре, уже немного прокуренном пассажирами, то и дело шныряющими то туда, то сюда, как будто им не досталось места или чего-то другого в этой бурной по-своему жизни.

– Знаете, а давайте перейдем ко мне, – внезапно предложила она, пытаясь преодолеть тот грохот колес, который доносился снизу. – я как раз одна в своем купе. Не знаю, но почему-то

других пассажиров не нашлось. Вот я и выбралась к вам, – как будто извиняясь за прерванный сон, сообщила ему дальше спутница.

– Эх, жаль будет по-настоящему, если такое прелестное создание окажется работающим на разведку, – мысленно пронеслось в голове у Молчуна, но силой своего голоса и при этом вполне естественно он сказал другое:

– Да, впрочем, можно. Вот только не знаю, как посмотрит на то проводник в вашем вагоне, или там тоже вагоновожатый?

– Нет, проводник. Вагон другого класса. А как вы оказались в своем? Что, не хватило денег на проезд? Но по вашему виду не скажешь? – отчего-то засмеялась девушка, шевельнув головой, отчего ее волосы немного разлетелись стороны, приоткрывая еще больше овал ее лица и очень милые его черты.

– Да, – снова почему-то взгрустнулось Молчуну про себя, – очень жаль будет прощаться с нею, если до этого действительно дойдет...

Но та, в свою очередь, как ни в чем не бывало, потянула его своей рукой за собой и почти приволокла обратно к месту, предоставляя время ему собраться, чтобы забрать с собой свои вещи.

У него и вправду был с собой небольшой чемодан, который он предусмотрительно перед отправкой к Сталину оставил на том же вокзале, и, судя по его внешнему виду, был не очень вместительным, и даже слегка подпорченным. Сбоку на нем четко красовалась яркая, дерущая кожу полоса, которая, казалось, навсегда запечатлела себя на том месте и не желала больше ничего другого.

– Ну, что же вы там, так долго, – внезапно снова тронула его за рукав девушка, отчего он также вздрогнул, как и в первый раз.

– Какой-то вы пугливый совсем, – внезапно расстроилась она, предаваясь на время какому приливу уныния, – уж, не напугали ли вас в детстве? – с некоторым сомнением в голосе спросила его тут же девушка.

– Да, да, именно так и было. Бабушка мне рассказывала. Матушку свою я ведь не знаю. Померла бедняжка при родах, а так вот только бабушка и осталась. Сейчас, правда, уже и ее нет, – сокрушительно помотал головой со стороны в сторону Молчун, надежно укутываясь в предложенную спутницей ему роль, в то же время зорко следя за ней и буквально исследуя каждое неуловимое движение.

Этому его приучила осторожность, добытая за годы такой тайной жизни, самую простую форму которой по-настоящему он и не знал, все время прячась за личиной то одного, то другого человека.

Но сейчас не время было рассуждать об этом, а потому, он быстро собрался и вместе с ней покинул тот самый вагон, где уже во всю раздавался самый мощный храп во всей Европе, так как сам поезд мчал всех именно туда, и уже не так уж и много оставалось времени до самой границы.

Спустя время непродолжительного перехода, они прибыли в нужный вагон и уселись друг против друга, в надежде снова возобновить тот самый разговор, который удалось весьма незатейливо поддерживать в самом начале их случайного знакомства.

Но почему-то того не получалось, и это заставляло несколько нервничать их обоих, отчего почти мгновенно захотелось спать и можно сказать, бросило во всю в зевоту.

К тому же во всем этом вагоне царила полнейшая тишина, отчего Молчун даже ненароком подумал, что это вполне очевидная ловушка, но вот только не понятно с какой целью.

Все эти мысли не давали возможности ему уснуть, когда они все же приняли об этом решение после непродолжительного молчания. К тому же его побеспокоил и проводник, который ко всему прочему был без своего форменного жилета и тому причитающейся фуражки.

После недолгих переговоров Молчун согласился отдать тому некоторую сумму, чтобы уже больше никуда не пересаживаться и, как говорится, ехать до конца.

– А ехайте, куда глаза поглядят, – так сказал ему на прощание проводник, запихивая деньги себе в карман и подмигивая обоими глазами поочередно.

Молчун в ответ также улыбнулся и подыграл тому в настроении, догадавшись, что тот немного навеселе, как и многие другие в поезде, не желающие особо предаваться всем тяготам переезда и гнетущих их со всех сторон мыслей.

Проводник благополучно покинул купе, и дверь с небольшим грохотом закрылась.

– Скоро Брест? – тихо послышался вопрос откуда-то снизу и тот же Молчун, едва не подпрыгнув на своем месте, больно ударился головой о верхнюю, очевидно разобранную самим проводником полку.

В ужасе спохватилась и Люся, быстро схватывая одеяло на себя и почти в прыжке перебираясь к Молчуну.

Где-то снизу из-под полки нижнего купейного места показалась кучерявая голова мальчишки, сонно трепещущего своими глазами, оборванного и грязного, словно сам черт.

– Господи, Иисусе, – нервно перекрестилась дамочка и еще ближе подобрала свои ноги, почти наваливаясь на Молчуна.

– Черт тебя возьми, – ругнулся и сам не свой Молчун и даже хотел было перекреститься, но вовремя сдержался, понимая, что он все же советский человек и всякие чертовщины ему ни по чем.

– Ты чего здесь улегся и как сюда попал, чертенок этакий, – вырвалось дальше у Молчуна.

– А меня дяденька пустил. Я ему немного денег дал за это. Мне, вот как, нужно до Бреста добраться, – и он показал рукой на свое довольно тощее горло, – там у меня тетка с дядькой. Они помогут работу найти и приютят на время. А сам я детдомовский, босота прикормленная. Своих родителей потерял в детстве. Говорят, расстреляли их. Меня дядька какой-то из дома вынес и в детдом тот упек. Так я вот здесь и очутился, – внезапно замолк он, тихим жестом утирая набежавшую слезу.

– Ладно, не плачь. Доедешь до своего Бреста, но дальше никуда. Ты понял?

– Понял дяденька, понял, – действительно порадовался малыш и даже сверкнул глазами.

– А теперь вот что. Здесь тебе не место, да и мы сами отдохнуть хотим. Пойдем–ка, я тебя провожу и уложу туда, где мое место было раньше. Там никого нет, и ты спокойно доедешь туда, куда тебе нужно.

– Ой, спасибо, дяденька. Все же правду говорят, что мир не без добрых людей, – и он, откидывая больше вверх полку, наконец, выбрался наружу.

– А теперь пошли, – сказал Молчун и, открыв дверь, направился к выходу из вагона.

Мальчик последовал за ним и вскоре был определен на новое место, за что был по-настоящему благодарен своему внезапному спасителю.

Молчун тихо с ним попрощался и возвратился обратно, следуя через несколько вагонов и порой пытаясь пробраться между целой череды болтающихся со всех сторон человеческих рук и ног, выходящих за пределы полок.

Люся к тому времени заняла уже свое место и тревожно ожидала возвращения своего спутника.

– И что вы об этом думаете? – сразу же спросила она у Молчуна, как только тот вошел в купе.

– Проводник – ворюга и пьяница, а мальчишка просто попался ему под руку, – грустно заключил ее спутник и с небольшим грохотом завалился на полку.

– Ого, вы так и полку ломаете, – улыбнулась попутчица и даже весело рассмеялась, очевидно, вспоминая и все еще переживая в душе случившееся.

– Ничего, выдержит, – улыбнулся в ответ Молчун и предложил немного поспать, так как времени оставалось немного, что бы по-настоящему отдохнуть.

Вопреки его ожиданиям, она все же согласилась, и на какое-то время в их купе воцарилась тишина, лишь изредка сквозь стук колес, донося до обоих их тихо сопящее дыхание, что наполняло помещение каким-то особенным спокойствием и давало возможность по-настоящему освободить организмы от обычной усталости.

Спустя какое-то время они проснулись, но, ни слова говоря, каждый начал думать о чем-то своем.

Под равномерный стук колес то особенно получалось и как бы убаюкивало опять, создавая все возможности для того, чтобы снова набраться сил и продолжать жить далее до вполне отмеренного самой жизнью конца, истинную картину которого не предполагал никто, и тем более в то, еще не совсем предвоенное время.

Хотя война сама по себе уже всю колесила по Европе, и ею были охвачены многие ее территории.

Но то ли не придавали всему этому нужного значения, то ли так просто было кому-то нужно, но в странах, где все это происходило, попросту менялась власть, а с ней как-то и вовсе незаметно приходило и то, что и по сей день именуется обыкновенным фашизмом.

Да, тогда точно так же, как и в любое другое время, люди не придавали значения тому, что вместе с меняющейся идеологией, изменяется и весь их жизненный уклад.

И сама жизнь начинает их обеспечивать по-новому, увлакивая за собой куда-то в прошлое, или, наоборот, сильно толкая вперед в будущее.

То, которое еще не построили, и которому вполне возможно и вовсе не суждено было сбыться, так как идейное переоплощение верхов всецело несло на себе новые затраты времени, которые не учитывали интересов самих людей, всегда и по-настоящему всего лишь желавшими жить, и больше, по сути, ничего.

Так было с каждым, и так было тогда, в то самое предвоенное время, когда самой войной в так называемом СССР еще и не пахло, да мало кто и задумывался над этим вообще, предаваясь идее жизни и ее целенаправленного исполнения.

Так приказала партия и так нужно жить. Именно этот лозунг был применен во многих странах, и именно по той причине они все и сошлись в так называемой второй мировой войне.

Кто кому не давал жить – и по сей день не понятно. Везде все вроде бы как утраивало и во многом даже определялись линии общей заинтересованности.

Но так уж, к сожалению, устроен наш мир, что волею всего лишь нескольких негодяев, подчиненным по-своему силе властной толпы, как правило, накачанной какой-то идейной смутой, в настоящую жизнь приходит смерть, а вместе с ней и полнейшее опустошение.

Мир лишался звания души, что значит, терял свое мирное обличье и на какое-то время превращался в настоящий смрад вывощенного наружу адского пламени, в алых отблесках которого отражалась сама смерть.

Каждый видел и отображал ее по-своему, как мог, своей душой, своим личным восприятием.

И в то же время тот же каждый не понимал, что, сея повседневную смерть, пусть даже в самом своем небольшом воображении, он распространял ее повсюду, разгоняя тем самым все живое и до конца изгоняя присутствие души в той общей черноте, что наступала вместе с наступлением обыкновенной ночи.

Этого никто не видел и даже о том не подозревал. Но так, к сожалению, было, а потому и смерть распространилась повсюду, словно это был по-настоящему живой организм, медленно или быстро увлакивающий каждую подобранную им жертву к себе куда-то глубоко в преисподнюю.

Но сейчас Молчун не задумывался над этим и просто лежал, чувствуя себя свободным и распространяя в своей голове только ему ведомые мысли, вполне логично тревожась лично за себя, как то делал бы самый обычный человек.

Причислял ли он сам себя к другому числу? Вряд ли он сам смог бы ответить на этот вопрос, так как лично для него все казалось вполне естественным и даже по-настоящему обычным, включая саму смерть, если бы она наступила неожиданно и совсем не в то время, которое ему предлагалось бы жизненно.

Но, возможно, тем и отличалась его жизнь от жизней других людей, так как все-таки она была несколько опасней и намного привередливей в подборе так называемых жизненных друзей.

Вот и сейчас. Он лежал и думал.

А кто она, действительно, эта его неожиданная спутница, и как дальше продолжать игру, не увлекаясь ею самой и вообще, не принимая за женщину.

Да, такие инструкции, действительно, существуют и требуют строгого соблюдения, но, черт тогда побери, когда же тогда жить, если все время оставаться от самой жизни где-то в стороне.

Если находиться с нею рядом и в то же время сторониться, лишь отдавая все дальше и дальше, в конце концов, пока и не наступит сама смерть.

Но долг призывал его к обратному. Он взывал его к совести. К его партийному началу, как говаривал когда-то сам товарищ Сталин.

И он не мог расслабляться и покушаться на такие жизненные мелочи, так как понимал, сколько по-настоящему человеческих жизней поставлено на карту в его одном лице.

И это, действительно, был всего лишь один в поле воин, только с той разницей, что никто не мог видеть его лицо.

Проснувшись окончательно и вдоволь наразмышлявшись, Молчун тихо встал и, взяв приготовленное заранее полотенце, пошел умываться.

К тому уже побуждал возросший во времени день, да и просто было нужно немного освежиться, чтобы привести в порядок свою голову и все летевшие вслед за ней мысли.

Люся потянулась следом за ним, и совсем скоро они заняли те же позиции, что и вначале, за исключением разве что того, что игра в молчанку, как следует, надоела.

– Скажите, товарищ, а как далеко вы едете? И вообще странно, что я до сих пор не знаю вашего имени. И вправду, молчун какой-то, – рассмеялась она, отчего в купе стало намного теплей и даже немного уютнее.

– Я еду до Гамбурга, а вы непосредственно в Берлин? Кстати, действительно, забыл представиться. Меня зовут Евгений или Евгений Викторович Сладовский. Я курирую наше образование и иногда инспектирую там, где меньше всего наших людей.

– В посольствах, – тут же догадалась Люся и тут же воскликнула, – ах, как это все интересно. А мне вот, не повезло. Хотела попасть на иностранный, но вот, загнали силой на медицинский.

– И какую же науку вы сейчас исповедуете? – полюбопытствовал, улыбнувшись, Молчун.

– Я физиотерапевт, – гордо и, можно сказать, с немного выпяченной вперед грудью сообщила ему девушка, которая теперь в этом купе показалась ему намного моложе, нежели там, на вокзале, где они встретились.

– Это что-то новое, – продолжал улыбаться ее собеседник, незаметно для нее устанавливая какой-то прибор, чем-то напоминающий обычный карандаш небольшого размера.

– Ой, что это у вас? – тыкнула пальцем девушка в то самое небольшое приспособление, способное записывать весь их разговор.

– Обычный карандаш, – и чтобы не вызывать у нее подозрения, протянул прямо ей в руку, – можете попробовать что-нибудь написать.

– Что же? – спросила девушка, на секунды задумавшись при этом.

– А вот запишите мой адрес в Гамбурге. Может, когда-то там будете, зайдете в гости.

– А вы живете один? – как-то несмело спросила она, даже немного потупив глаза в пол.

– Да, и нечему здесь стесняться. Вполне обычный вопрос для взрослых людей.

– Да, но почему-то мне кажется странным, что вы проживаете один.

– Почему же? – искренне любопытствовал Молчун, и в его мозг по-настоящему закралось сомнение, а верно ли он поступает, что так вот испытывает судьбу.

– Ну... – несколько замялась девушка, – все же вы видный мужчина, и совсем не бабник, – добавила она, и почему-то покраснела.

– Ну, если дело только в этом..., – с некоторым облегчением вздохнул Молчун, – то я вам просто скажу. Пока, к сожалению, не нашел той, кто бы мне пришлось, так сказать, по душе.

– А как это? – вполне искренне удивилась Люся. – Я понимаю, когда люди просто влюбляются или просто симпатизируют друг другу. А по душе. Это как. Это ведь не предмет какой-то, а все-таки женщина, живой человек. Нельзя же его так выбирать, подбирать, или еще, как там вам угодно?

– Ну, душа, скорее всего, признак любви, а не ее вполне откровенное согласие. Понимаете, Люся, влюбляться можно в жизни по несколько раз, а вот искренне почувствовать саму любовь можно только единожды. И к этому как раз относится наша душа.

– Откуда вы это знаете? У нас ведь этого не преподают? Это, наверное, буржуазные штучки, а вы мне тут голову морочите, – даже немного обиделась девушка.

– Да, нет, я говорю вполне серьезно. А сами сведения я, действительно, приобрел здесь, в Германии, просто купив какую-то старинную книгу. Взял просто так, из жалости к человеку, ее продававшему. Оказалось, очень хорошая книга. Есть о чем на досуге поразмышлять.

– Но это же противоречит всей нашей науке. Вы ведь знаете, что никакой души нет, а есть просто интеллект, мозг и что-то там еще физически построенное. Это я вам, как врач и специалист говорю, – распалилась этим разговором девушка, в той же душе не соглашаясь с его выводами.

– А я и не отрицаю физику нашего тела. Говорю лишь о том, что присутствует ментально, то есть в буквальном смысле висит в воздухе. Это знаете, как мысль, которая бродит вокруг вас и хочет к вам присоединиться.

– Мысли не бродят, они рождаются в голове. Я физиотерапевт и знаю об этом гораздо больше вашего. К тому же я научный сотрудник и вот-вот получу ученую степень.

– Что вы, что вы, Люсечка, не торопитесь. Я ни в коем случае не ставлю под сомнение вашу квалификацию. Я лишь рассуждаю просто о том, о чем иногда думаю. Вы ведь не против этого?

– Существенно против. Мы, советские люди, должны быть напрочь лишены всяческой, буржуазного типа идеологии, предпочитающей различные человеческие наклонности более свободному и творчески настроенному уму, который может свободно выразиться только у нас, в Советском Союзе, где есть настоящая свобода слова, и где все человеческие права не попораны разными там капиталистами.

– Все верно, Люся. Только, пожалуйста, успокойтесь. Мы ведь не на семинаре, а я вовсе не ваш оппонент, а обыкновенный слушатель или просто человек.

– Нет, мне кажется, что мы с вами повстречались не случайно. Скорее всего, мою политическую бдительность проверяют наши службы. Что ж, товарищ Сладовский, вы меня проверили, и я вам ответила, как и положено советскому гражданину.

На минуту сам Молчун потерял дар речи, и ему просто показалось, что его, действительно, разыгрывают, но внимательно посмотрев на девушку, которая вся зарделась от возбуждения и буквально пыхла всем своим, выраженным внешне негодованием, он понял, что по-настоящему ошибся, принимая обычную советскую женщину за подосланную к нему шпионку.

Спустя еще минуту он рассмеялся и смеялся так долго, сколько ему позволила она сама, сидя на своем месте и все никак не успокаиваясь от душившего ее изнутри несогласия.

– Да, полно вам, душечка, – сказал по-простому и вполне чистосердечно Молчун, – не переживайте так сильно. Верьте мне. Я простой чиновник из отдела образования, и я ни какой, не подосланный агент какой-нибудь службы. Просто я хотел поговорить с вами об этом. Мне ведь практически не с кем общаться. На работе, сами понимаете, нельзя. А дома живу один. Не с домохозяйкой же переговариваться.

– А что, у вас есть домохозяйка? – удивилась девушка.

– Да, здесь так принято. И мне как-то несподручно менять их принципы жизни.

– Но вы же советский человек? – продолжала по-своему негодовать Люся.

– Да, но я часто общаюсь с людьми, которые не принадлежат к нашему кругу мировоззрения. И у них другое отношение ко всему, что здесь имеется. Потому, я должен выглядеть соответственно, чтобы как говорится, не обострять углы наших взаимоотношений.

– И много вы проводите таких встреч? – с упорством ребенка продолжила она.

– Ну, вы же не следователь, правда. Но, если серьезно, то по долгу службы мне часто приходится встречаться с разными людьми, которые отнюдь не блещут хорошим отношением к нашей стране. Но такое задание партии, и я его выполняю.

– Так вы по заданию партии! – восхищенно спросила Люси.

– Да, и по заданию правительства, и лично товарища Сталина.

При упоминании имени вождя Люси встала и горячо пожалала ему руку, принося все свои извинения и прося забыть весь этот разговор.

– Хорошо, – немного устало ответил ей Молчун, – давайте, забудем об этом и больше не будем вспоминать. Давайте говорить о чем-нибудь другом.

– Давайте, – согласилась девушка и снова присела на свою полку, уже немного упокоившись и приобретя самый настоящий вид женщины, которая готова вас слушать во все глаза.

Почувствовав все это, Молчун не стал больше испытывать судьбу и перевел разговор в абсолютно другое русло, в котором не было места так называемым инстинктивным побуждениям и проявлениям каких-то свободололюбивых чувств.

Как вы понимаете, они разговаривали о политике, о линии выдержки партии, об огромных достижениях революции и еще много о чем, что, можно сказать, вообще не касалось чей-то личной жизни, и тем более, возрождающихся вместе с нею вполне природных чувств.

Но таковой была на тот момент советская женщина, и даже сам Молчун искренне пожалел о том, что так называемая пропаганда совершила совсем не в ту сторону рывок, который по-настоящему отдалил чувства человека от его реального присутствия в самой жизни.

Даже самое сильное впечатление, которое могло быть добыто в том времени, не могло быть вне присутствия живой линии партии или хоть какой-то величины реально существующего государства.

Призрак еще не осуществленного в жизнь коммунизма по-настоящему штамповал из людей роботов, которым напрочь было запрещено пользоваться чувствами, какой бы не была истинная суть их природного происхождения.

На секунду самому Молчуну от этого понимания стало страшно, и он даже приостановил свою речь, но тут же взял себя в руки, решив по-настоящему об этом подумать когда-нибудь в другой раз.

Поезд медленно тащился по построенной кем-то колее и лишь изредка издавал гудки, очевидно извещая кого-то о своем приближении.

Вскоре они прибыли на какую-то станцию, название которой ни он, ни Люся так и не смогли рассмотреть из-за огромного, растянутого на всю ширину вокзального фасада плаката с призывами к труду и миру.

Постояв здесь совсем немного, поезд, фыркнув, двинулся далее, оставляя позади толпу возбужденных чем-то людей, которые собрались для чего-то на перроне и дружно ходили взад-вперед с самыми различными флажками и флагами, иногда перемешанными небольшими транспарантами.

– Ой, смотрите, – несколько возбужденно вскрикнула Люся, указывая рукой куда-то на середину всей той, бродившей по перрону публики, – а наши уже празднуют труд и май. Ой, как хорошо, – и она от удовольствия даже похлопала в ладоши, словно маленький ребенок.

Глаза ее искренне засверкали какой-то внутренней и восторженной синевой, лицо расплылось в широкой улыбке, а щеки мгновенно наполнились свежим румянцем, очевидно проистекающим где-то из глубины той самой души, которую она так яростно отрицала.

Но мужчина не стал ей говорить об этом, а лишь, молча, улыбнулся, наблюдая за внешне произведенными изменениями.

Ему и самому почему-то вдруг захотелось так же порадоваться, и даже отчасти захлопать, как она, в ладоши. Видимо, что-то внутреннее и вовсе не заметное передалось одночасье по пути, отчего на душе стало как-то теплее и радостнее.

На какое-то время он даже забыл, зачем сам здесь находится и с какой целью направляется в Германию.

Его по-настоящему забавляла эта очень простая и в то же время политически стойкая девушка, которая всей своей душой отстаивала так называемые партийные интересы, хотя сама вряд ли была так называемым членом партии того времени.

Но больше всего Молчуна удивляли ее глаза. Они словно наполнились живым светом и именно того окраса, который ему почему-то нравился, зачастую присутствуя в глазах самых простых немцев.

Но в то же время, он не мог вспомнить хотя бы одного случая такого искреннего выражения восторга со стороны тех самых людей, которые находились по ту сторону границы.

Молчун чем-то даже сравнил всех их с живыми или ходячими мумиями, мало подвластных жизни самой души и больше подверженных только корысти присутствия человеческого тела.

Да, теперь, он действительно уловил значительную разницу между так называемым советским человеком и обыденным европейцем, представителем любого класса и любой страны, так как, по сути, все они выглядели абсолютно одинаково, по крайней мере, именно для него.

И это также дало ему повод для того, чтобы по-настоящему поразмыслить обо всем на досуге и хоть чем-то занять свое так называемое не используемое для службы время.

То, что он относился к службе внешней разведки, являлось в самой величайшей степени секретно.

Его позывной знал лично только товарищ Сталин и еще несколько лиц из самого ближайшего окружения.

Все остальные работники видели в нем лишь обычно присутствующего чиновника, способного лишь наблюдать, но никак не принимать какие-либо решения.

Но так было лишь в советском посольстве или на стороне того государства, которое он непосредственно и представлял.

На территории же другой страны он был и представлялся абсолютно другим человеком и был по-настоящему офицером той структуры, которая стояла на самой ближней ступеньке к истокам действующей гитлеровской власти.

Граф, как привычно звали его все немцы, выглядел и по всем признакам был настоящим арийцем, что, соответственно, подтверждали все произведенные над его телом манипуляции и соответствующего значения анализы.

Он был по-своему высок, аккуратен, то есть атлетически сложен, в отличной физической и спортивной форме, имея при этом соответствующий разряд.

Вместе с тем ему принадлежал высокий лоб, прямой нос, особо подчеркнутая полоска губ, надежно закрытый с обеих сторон челюстями подбородок, широкий разлет по-своему тонких бровей и открытого взгляда голубые глаза.

То был настоящий ариец и именно по этой причине его полюбил лично фюрер, выставляя во многом напоказ перед своими собственными друзьями по партии или гостями, и демонстрируя тем самым истинный образец нового арийского племени.

Сказать, что ему было легко при этом, значило бы вообще не сказать ничего, ибо число так называемых завистников значительно превосходило все требуемые запросы, исходящие лично от самого фюрера.

Но вместе с тем одного этого было на тот момент достаточно, чтобы никто по-особому не копался в его так называемом досье, которое, правда, по-настоящему было очень хорошо законспирировано, что даже сведущему во всех таких делах гестапо и в голову не могла прокрасться мысль о том, что он – настоящий группенфюрер СС, и есть именно тот человек, который работает на русских.

Дипломатическая должность военного атташе позволяла присутствовать ему на многих переговорах и даже быть личным представителем фюрера на такого рода собирательных комитетах.

Так они назывались тогда, хотя, вполне естественно, это не афишировалось и по уровню значимости относилось к самой наивысшей степени секретности.

Таким образом, сам Молчун как бы был по-настоящему мостом между управляющими тиранами обоих государств. А именно так и принимали их все те, кто и присутствовал на тех самых переговорах.

Конечно же, они не говорили об этом в открытую, но всячески намекали, что власть необходимо делить и нельзя сосредотачивать в каких-либо одних руках.

Но сейчас, все эти, мельком пробежавшие в его голове мысли непосредственно к делу не относились, а потому, продолжая вполне искренне восхищаться такими замечательными переменами в настроении девушки и улыбаясь, Молчун слегка встряхнул головой, проводил взглядом убежавшую вместе с разгоном поезда платформу, и вновь приступил к исполнению обязанностей вполне обаятельного и во многом спокойного человека.

– Какой же вы все-таки черствый, – внезапно выговорила ему Люся, повернувшись к нему лицом, по-прежнему пылающему румянцем.

– Почему же, – по-настоящему удивился он, – я так же, как и вы радовался общему для всех нас празднику. Просто, я все же мужчина и не могу так реагировать, как девушки вашего возраста.

– Нет, нет. Вы, наверное, просто не искренни. Радовались просто так. Без нашего советского энтузиазма.

– Да, нет же, – даже немного обиделся Молчун, – вы просто неверно оцениваете свои и мои возможности. Я все-таки старше вас и вполне естественно реагирую на все по-другому. Вот, вы, например, смогли бы отреагировать так, как я. Предположительно хотя бы, попробуйте поставить себя на мое место.

– Не знаю, но мне кажется, что вы все-таки не тот человек, за которого себя выдаете, – тут же почему-то надулась Люся и отвернулась в сторону.

Румянец несколько спал, а все ее радостное настроение внезапно куда-то улетучилось, как будто его не бывало и вовсе.

– Вот те, раз, – забеспокоился про себя разведчик, – мне еще этого не хватало. Шаловливых дамских штучек.

Но вслух он все же сказал:

– Не знаю, за кого вы меня принимаете, но я действительно тот, за кого себя выдаю, и даже соответствующий документ о том имеется. Могу показать, – и он уже было потянулся за своим паспортом.

– Не надо, верю. Просто вы действительно старая бука, – и она, повернувшись к нему, снова улыбнулась, как будто ничего серьезного не произошло.

Молчун облегченно вздохнул и уже сам мягко перевел весь их разговор в другое русло, которое абсолютно не соответствовало всему тому, о чем они раньше так душевно спорили.

Спустя какое-то время все это и вовсе забылось и даже чем напоминало просто дурной сон, о чем девушка не забыла упомянуть за время очередной остановки поезда на какой-то промежуточной станции.

– Ой, все же это, наверное, какой-то дурной сон. И наше с вами знакомство и наши расхождения во взглядах. Да, вы не обижайтесь на меня. Я всегда такая. Сначала намолочу языком, а потом уже думаю, – сказала простодушно Люся и, слегка улыбнувшись, несколько виновато подняла на него свои красивые синие глаза.

Молчун в знак согласия кивнул, словно принимая ее весьма застенчивые извинения, и собрался выйти на минуту в коридор, чтобы, как он сам сказал, немного подышать свежим воздухом весны через открытое окно в вагонном проходе.

– Ой, и я с вами, – тут же подхватила Люся и мигом вскочила со своего места, – что-то уж мы засиделись. Пора и, правда, освежить голову.

Она практически одновременно с ним протиснулась через дверь купе в коридор, а затем сразу же просунула свою голову в окно.

– Ой, смотрите, – внезапно радостно сообщила она, – а там свадьба.

Молчун подвинулся немного ближе к окну и, просунув так же голову, осмотрелся.

И вправду, слева от них на пригорке люди отчаянно веселились, заводя такие круговороты танцевальных движений, что казалось, от них голова должна была пойти кругом. Но они, естественно, не падали, а продолжали кружить и дальше, буквально светясь своими радостными улыбками на лицах и раздавая на всю округу веселые возгласы.

В общем, как то говорят, свадьба была в самом разгаре, и люди веселились от души.

– А, должно быть там весело, – немножко с грустью бросила в его сторону Люся и даже зацепила своими волосами краешек лица Молчуна.

Но тот не отпрянул от неожиданности и даже не вздрогнул, а просто мечтательно улыбнулся и сказал:

– Да, действительно, там весело и хорошо. Хотелось бы вот так, хоть раз повеселиться и порадоваться за молодых.

– А вы что, совсем уже старый, – с усмешкой подковырнула его Люся и открыто посмотрела ему в глаза.

– Да, нет, конечно. Но года все же идут и уже не скажешь, что тебе каких-нибудь семнадцать.

– А мне вот двадцать четыре, – неожиданно произнесла девушка и отвела взгляд в сторону, – и я думаю, что не такая уж и старая. А вы как считаете?

Молчун в ответ рассмеялся и ответил:

– Ну, какая вы, в самом деле, старая. Это я так, просто для примера такой возраст привел. Мне вот самому уже тридцать три, хотя, можно сказать, что уже почти тридцать четыре, так как день рождения совсем рядом, но я тоже не считаю себя таким, хотя, конечно же, разницу во всем чувствую. Ну, ладно, давайте, возвратимся в купе, а то поезд скоро двинется, и мы оба пропитаемся весенним дымом состава.

– И то, правда, не хватало еще нам стать черными, как негры, – они оба рассмеялись и, захлопнув окно, вернулись в свое купе.

Поезд действительно зашевелился и, немного постучав цепями, медленно потянулся вперед.

– Ну, что ж, снова на запад, – бросил Молчун, немного погодя, когда уже сам состав, тревожно издав гудок, достаточно быстро набрал свою обычную скорость.

– А вы что, не хотите? – любопытствовала девушка со своего места.

– Да, не так, как возможно того хотелось бы, – как-то загадочно ответил он ей, и какая-то абсолютно грустная атмосфера опустилась вместе с этим в их купе, заполнив его на время общим молчанием.

Спустя же некоторое время такое состояние прошло, и они вновь вернулись к обычному разговору о своих и общих делах.

За это время девушка успела ознакомиться с его деловым досье и не замедлила выдать ему сразу несколько замечаний.

– Все же вы действительно какой-то черствый, – подытожила она весь их разговор, – вы рассказываете о своей работе, как будто она вас абсолютно не интересует. Возможно, вы ее просто не любите? – поинтересовалась она, внимательно наблюдая за ним самим и за тем, что он ей ответит.

– Да, нет. Работа на самом деле интересная, но в ней нет так называемого пламенного азарта. Мне нечего создавать, что-то выискивать, о чем-то возможно догадываться, к примеру, как в вашей работе. Потому и кажется она такой довольно вяло текущей. А, что вы привязались ко мне с вашим энтузиазмом? Я что, должен как-то по-другому озвучивать свой труд? Я всего лишь обрисовываю факты своей повседневности, и в ней этому практически места нет. Ну, представьте себе, что я войду в какую-то там школу или другое учебное заведение и начну. А ну, давайте, дети или там учителя, возьмемся за руки и с воодушевлением реального энтузиаста, призову их водить хороводы, воспевая при этом славу нашей партии и нашему руководству. Это ведь будет смешно, не правда ли. Потому что, мы не на митинге, где тот самый энтузиазм можно выплеснуть на все сто. Мы также и не на стройке, где можно горячо и с успехом трудиться, перебивая все рекорды времени. Ну и тому подобное. Образование – это совсем другая сфера. Она не предусматривает нечто такое, а лишь, наоборот, призывает к более сосредоточенному вниманию и довольно чистому исполнению всех своих первостепенных обязанностей, одна из которых и есть – действительно, с энтузиазмом учиться, что значит, быть гораздо прилежнее в самой учебе и иметь к этому свое личное целеустремление. Вот, что такое в моем ведомстве энтузиазм. Так что, прошу извинить меня, как говорится, за излишнюю черствость в своей работе, – и Молчун, прижав руку к своей груди, немного наклонил свою голову вниз.

Девушка, перед этим внимательно наблюдавшая за ходом этого пояснения, неожиданно улыбнулась и сказала:

– Кажется, я, действительно, поняла. Вы просто не энтузиаст своего дела.

– Да, поймите вы, наконец, что нельзя быть именно тем, к чему вы призываете в том месте, где этого вовсе не требуется. Иначе это будет выглядеть смешно и через какое-то время может вообще стать посмешищем, что еще дальше приведет к какому-то карикатурному отображению всей нашей настоящей действительности.

– А вы не заглядывайте так далеко наперед. Тогда и у вас все получится, – подытожила Люся и с чувством выполненного долга немного откинулась назад.

– Да, вас, очевидно, не переубедишь, – согласился сам со своими выводами Молчун и также отодвинулся немного назад.

– Ладно, не дуйтесь, – спокойно отнеслась ко всему девушка, – давайте, лучше что-нибудь поедим или чаю, наконец, попьем, а то все едем и едем, беседуем. Так и с голоду помереть можно, – и она полезла зачем-то в свою сумку, а через некоторое время достала оттуда бумажный пакет и положила на стол.

– Вот, – с гордостью сообщила она, – мама приготовила мне пирожки на дорогу, но благодаря вам, я до сих пор их не съела.

– А я-то здесь причем, – искренне возмущился Молчун, действительно удивляясь такому заключению.

– Ну, вы все время говорите, говорите. Нет, чтобы сказать, давайте просто поедим.

– И то, правда. С вами я сам позабыл обо всем, даже о самых простых правилах приличия.

– Правила здесь не причем, – ответила ему Люся, – просто вы не энтузиаст. Вот и все.

И к тому же, очевидно, вовсе не голодны.

Молчуну не раз приходилось сражаться в женщинами словесно, но на этот раз ему почему-то просто не хватило на все сил, а потому, он, молча, согласился, кивнул на все головой и, приоткрывая дверь, сказал:

– Пойду, упрошу проводника дать нам чаю.

– Да, да, и обязательно с малиной. Попросите и об этом.

– Хорошо, – кивнул снова разведчик и пошел практически выполнять приказание.

Как-то уж так получалось, что эта весьма странная девушка со своей простотой все время оказывалась впереди, а потому ему, уже совсем не молодому по отношению к ней человеку, приходилось как бы невзначай подчиняться.

Это даже показалось ему забавным, так как он довольно долго не общался с советскими девушками, а немецкие фрау по сравнению с ними были, конечно же, абсолютно другими.

Потому, исчерпав весь свой запас жизненной словесной энергии, он двинулся к проводнику с тайной надеждой на то, что после чаепития их отношения примут другой оборот, и возможно уже не будет возникать противоречий на почве самых настоящих политических убеждений.

Проводник, как ни странно, оказался на своем месте и с энтузиазмом взялся за дело, то и дело, приговаривая про себя словами:

– Сейчас, сейчас. Я вам такого чайку заварю. Еще долго помнить будете. Он у меня бакинский, настоящий. Можно сказать, с давних времен припасен. И малинка у меня найдется. А что, девушка приболела, – внезапно обеспокоился он, ссылаясь, как и полагается, при этом на малину.

– Да, нет, слава Богу, здорова, – ответил ему Молчун, можно сказать, машинально, – просто так, ей чего-то захотелось чаю с малиной.

– Ну и хорошо, – согласился с этим проводник, – вы, чай, в Бога веруете, раз так говорите, – обратился он уже лицом к нему, совсем непохожим уже на то, что он показывал предыдущее.

Видимо, похмелье прошло, и здоровье несколько наладилось. Да и рабочая униформа была вся при нем, да так, что и придраться было нельзя.

– Какие разительные перемены, – подумалось вдруг Молчуну в связи с этим, – абсолютно другой человек. И сам не такой, и разговор другой. Что значит, трезвый. Эх, матушка Россия, сколько вот таких пребедных в душе своей в той же темноте пребывают. И вызволиться оттуда им тяжело. Все равно, как похмелье тяжелое. Водочка-то засасывает и потихоньку уничтожает человека.

– В Бога, это хорошо, – внезапно снова обратился к нему проводник, делая на ходу тот самый чай, что обозвал бакинским, – я сам верующ, да вот только в церковь не хожу. Мольбу внутренне пускаю, – и при этом неожиданно мужчина обронил слезу, едва-едва не угодя в подставленную для кипятка чашку. Но давняя привычка сработала отменно, а потому, слезинка туда не попала, да и сам проводник внезапно изменился в своем лице.

– Ой, что это вдруг я так расплылся. Вроде бы и не потреблял ничего.., – сокрушился он самостоятельно от такой своей небрежности, – да, вы не переживайте, в чай не попало. А хотите, я сейчас перемену.

И он тут же, невзирая на жест Молчуна, быстро сменил чашку и проделал то же самое повторно.

– Это я так, извините. Слишком уж мне больно то все созерцать, когда Бога, сведущего во всех делах наших, так многие люди попирают. Не правильно то. Власть властью, хоть какая. А Бога при том трогать не надобно. Мы все за советы. Дали они землю нам, да и жизни немного прибавили, чего уж там греха таить, – и мужчина при этом трижды перекрестился, немного наклоняя голову вперед, – за это, конечно, им огромное спасибо и великий поклон до земли. Но вот церкви-то рушить не надобно было. То святое. Еще от той старой Руси осталось. Не одни мы так прожили под знаменем тем небесным. А тут флаг красный повесили. Лик господний исчез со многого. Это и убытку принесло много здорового.

– А какого? Позвольте, полюбопытствовать, – прерывая его монолог, неожиданно проснулся в Молчуне живой интерес к этому весьма простому и, судя по всему, малоприятному мужчине, в особенности, когда он выпьет.

– Да, как какого? – повернулся снова в его сторону проводник, глядя на него с красными прожилками сероватыми глазами. – Вон, в году прошлом, сколько мы урожая не досчитались. Видите ли, погода не благоприятствовала. Так объясняют. А как же в старину с тем боролись. Да, просто. Молились все и в церковь общиной ходили, чтоб грехи замолить, и чтоб Бог нам погоду расхорошую прислал. Так вот и жили. Хоть и техники такой не было, да вот с голоду, как во многих годах сейчас чуть ранее было, не мёрли. Так-то вот, мил человек. Сам-то кем будешь. Верховодишь, али так, просто чиновником обзываешься.

– Да, нет, простой я, батя. С простых людей и корни мои по-своему деревенские. Просто в город сызмальства попал, да и жизнь городская несколько влачила к себе. Так вот и получилось, что теперь тружусь за границей и лишь иногда бываю там, где сам дом родной.

– Сам-то откуда будешь? – спросил проводник, наконец, переставляя чашки на поднос и выставляя туда же небольшую посудину с вареньем.

– Да, из Горького я, из области, – снова соврал Молчун, но деваться было некуда.

– А знаю, бедноватый край. Люди измором когда-то уходили и все по той же причине.

– Что, опять Богу не угодили чем-то?

– Нет, Богу не нужно угождать, его почитать надобно. Так нас учили. Не знаю, уж чему там, в советских школах учат, но я почитай, три класса церковного ведомства прошел, да и то кое-что, можно сказать, знаю. По крайней мере, на благо себе и тому же народу тружусь. Но Бог не в обиде. Хоть в церковь и не обращаюсь, да в душе своей чту, молитвы читаю и всяко призываю себя самого к совести. То и исцеляет меня иногда, то от пьянства беспробудного, то просто от сглазу какого людского. Вот так и живу, в Бога верую, да никого и не обижаю. А вот вам и малинка с чаем. Прошу отведать. Благодарить потом будете за чай мой. Сегодня такого не взыщите. Это я из своих старых запасов вам даю, как для особых пассажиров. Раньше тот чай по машинам, как сейчас, не ходил. Рука человеческая его собирала и бережно сохраняла. Потому и вкус его другой. Вот так-то, человек служивый, – и с этими словами он протянул поднос прямо в руки Молчуну.

– Спасибо, а может, с нами также отведаете? – пригласил он проводника к столу.

– Да, нет же. Вы там одни, дело-то ваше молодое. Может, что и заблагодаримся потом, погодя еще. А я сам уже себя чайком потчевал, так что благодарю за приглашение, – и мужчина немного поклонился вперед.

– Ну, что ж, коль отказываетесь, то уж извиняйте, пойду даму угощу. Пусть, порадуется вашему чаю.

Сказав так, Молчун направился к своему купе, стараясь идти осторожно, чтобы не пролить ни капли драгоценного напитка.

Дверь оказалась закрыта, а потому, придерживая поднос одной рукой, он постучал другой и, шутя, произнес:

– Обслуживание, открывайте, чайком угощаем.

Люся открыла перед ним дверь и пропустила к столу, на котором к этому времени, помимо пирожков появилось и еще что-то весьма более существенное.

– Поедим, как следует, – коротко бросила она и прикрыла купейную дверь, – а то неизвестно, когда в следующий раз есть придется. С этой границей ничего не поймешь. И есть не понятно что, да и деньги другие.

– Это верно. Но вы не беспокойтесь. Вот, поедем и я вам все объясню. Страшного ничего нет, просто нужно немного привыкнуть.

– Ну, ладно, давайте покушаем вначале, а затем вернемся к нашему разговору, – произнесла девушка и как заправская хозяйка пригласила его к столу.

– Вот отведайте: и того, и другого. Мама все приготовила, но я ведь не съем столько, а оно пропадет. Да и не нужно было. Только вот мама настояла. Думала, что я с кем-то еще поеду, а вдруг, у них еды не окажется. Вот и угостятся, – как бы оправдываясь, сказала Люся, и они вместе приступили к еде.

– А, кстати, – уже после аппетитного обеда и даже немного устало, спросил Молчун, – а почему вы едете одна на это ваш, как там..., семинар или симпозиум? Что, других с докладами не нашлось?

– Нет, почему же? Есть и другие, но они уехали немного раньше, чтобы, так сказать, лучше подготовиться, а моя тема более проста, потому я и выехала последней.

– Ясно, – коротко и по-мужски бросил разведчик, принявшись убирать со стола, как то и подобает тому, кого, соответственно, накормили.

– Что вы, что вы, – запротестовала Люся, – не нужно. Я сама все уберу. Это женская работа. К тому же нужно пересмотреть, что выбросить, а что на некоторое время оставить. Может еще доведется чаю испить, дорога ведь дальняя.

Молчун отступил в сторону, предоставив ей самой право разобраться с оставшимися продуктами и едой, которые еще могли вполне пригодиться, учитывая то, что до места назначения они еще доберутся совсем нескоро.

– А вы до самого Берлина поедете? – неожиданно спросила Люся, внезапно обернувшись прямо к нему лицом.

– Нет, я выйду немного раньше и сделаю пересадку. Но это совсем недалеко от самого Берлина. Так что вам беспокоиться не следует. Всего сорок минут, и вы прибудете на место.

– Да, а жаль. Я все-таки хотела бы, чтобы вы меня немного поводили по городу. Ведь все-таки первый раз.

– Ничего, справитесь, а как у вас с языком? Какие знания немецкого?

– О, с этим проблем нет. Еще в детстве я отличалась тем, что очень хорошо все запоминала. Потому, язык я, можно сказать, выучила досконально. Во всяком случае, говорю практически на каждом диалекте, который присутствует в самой стране.

– Да? – внутренне удивился вполне искренне Молчун такому совпадению, но вслух добавил:

– Это интересно. А кто вас учил?

– Никто. Я сама. Просто читала разные книги и разговаривала с людьми. У нас ведь премного немцев. Я, правда, не говорила вам, что с Поволжья. Это сейчас я в Москве. А раньше мы жили в Саратове. Там полно немцев. Вот я с ними и разговаривала.

– Действительно, хорошая школа, – невольно восхитился знаниями девушки Молчун, – к тому же дает возможность понять самих немцев просто, как людей с традициями и всем прочим.

– Вот-вот, – подтвердила его слова Люся, – чисто теоретически я все знаю, но вот как оно выглядит по-настоящему, точно не могу себе представить. Может, что уже изменилось.

Ведь в Германии сейчас фашизм. И пока он не коснулся нас, мы не можем знать, какими там стали сами люди. Правда?

– Верно подмечено. Вам бы сразу в разведку с такими знаниями и рассуждениями. Жаль, что женщин не берут на такую работу.

– А вы думаете, что я справилась бы?

– С вашим неуемно присутствующим энтузиазмом, обязательно, да. Но это шутка, конечно же.

– А я думала вы серьезно, – немного обиделась девушка и снова повернулась к нему спиной, продолжая что-то там делать на столе.

– Знаете, честно говоря, это не тема для нашего путешествия в страну, мягко говоря, немного противоположную во взглядах с нами. Потому, об этом никому ни слова, даже в форме обыкновенной шутки. В Германии есть такая служба – гестапо. Оно слишком политизировано и шуток, естественно, не понимает. Потому, давайте вообще забудем про это, и даже не будем вспоминать. Мы мирные люди и вполне открыто способны проявлять свои политические взгляды. В этом нас как раз никто не упрекнет, даже гестапо. Но вот, если мы, не дай Бог, упомянем хотя бы как-то слово разведка, то сразу станем объектами пристального внимания номер один. Потому, об этом нужно забыть и практически полностью выбросить из головы сам факт наличия такого слова в сопровождающем нас повседневно лексиконе. Понимаете меня?

– Да, – не совсем уверенно ответила ему Люся и снова обратилась к нему лицом.

Завидев, действительно, в его глазах какое-то беспокойство, она еще раз заверила, что этого не будет.

– Да, я поняла. Об этом ни слова, даже в шутку.

– Вот и хорошо. А теперь, давайте пройдемся по вашему немецкому. И возможно, я даже запишусь к вам в ученики, – негромко засмеялся Молчун, приглашая жестом девушку к непосредственному разговору.

К тому моменту Люся уже закончила свои дела и, упрятав обратно в сумку остатки еще пригодных для еды продуктов, присела на свое купейное место.

Пробежавшись по самым простым фразам и выражениям, Молчун перешел непосредственно к делу и как бы втянул девушку в полностью непринужденный разговор, правда, исключительно на немецком.

Сам он старался при этом немного исключить свою так называемую саксонскую речь, практически принудительно внося туда русский акцент, чтобы избежать еще каких-нибудь дополнительных вопросов со стороны девушки.

Такого рода маскировка была ему сейчас действительно необходима, а иначе, как объяснить, откуда у него такое четкое представление о способах произношения на одном из диалектов вышеозначенного языка.

Об этом, естественно, ему сообщила сама Люся, которая гордясь знанием многих диалектов, хотела непременно внести и свою лепту в процесс изучения иностранных языков.

Молчун принял все ее замечания со всей подобающей для него самой серьезностью и даже что-то там записал, обещая попозже все устранить.

Но в конце, все же она сказала:

– Вы, конечно же, немного притворяетесь, говоря таким образом, но абсолютно точные недостатки все-таки есть. Потому, я не отказываюсь от своих слов и могу действительно взять вас прямиком в свои ученики.

Молчун с облегчением вздохнул и заранее поблагодарил за оказанное содействие в деле изучения немецкого.

На том их беседа и завершилась, так как к этому времени поезд подошел к Бресту, и пора было приводить в порядок, как самих себя, так и свои собственные вещи в связи с предстоящим пересечением государственной границы.

На улице стояла глухая ночь, и только по изредка проскакивающим мимо окна фонарям можно было предположить, что они находятся уже в черте города или приближаются непосредственно к самой станции.

Граница и оформление документов в последующем заняли значительное количество времени, и общаться между собой на людях было практически невозможно. Только под утро, в очередной раз уставшие и вымотанные несколько усиленной проверкой всех документов и багажа, они смогли перекинуться по-настоящему словами, да и то, можно сказать, случайного содержания.

Место проводника заняли уже другие люди, которые в отличие от предыдущего были более вежливы и обходительны, и, наверное, уж точно разговаривали на немецком и еще более свободно на польском.

Так как им следовало пройти еще одну проверку, Люся неожиданно предложила:

– А давайте, скажем, что мы семейная пара. Может быть, они побыстрее нас отпустят.

– Да, но в документах сказано совсем другое, – улыбнулся Молчун, как следует обустроиваясь на своем месте, – да и к тому же, у нас разные фамилии.

– А вот и нет, – почти по-детски воскликнула и улыбнулась в ответ Люся, – и фамилии у нас одинаковы. Я тоже Сладовская. Вот, пожалуйста, гляньте, – и она протянула ему свой паспорт, во многом помеченный разными отметками.

Мельком взглянув на сам паспорт, Молчун тут же заметил:

– О, да у вас тут целый мир объезжен. Как же так получилось, что в Германии вы первый раз? – с некоторым любопытством и еще более пристальным взглядом он посмотрел прямо ей в глаза.

– Да, это так. Просто я вам немножечко соврала. Мой папа, можно сказать, дипломат. Вернее, он работает при посольствах. Должность у него там какая-то. Вот я и куролесила с ним по свету. Но за Поволжье я вам точно не соврала. Мы совсем недавно в Москву переехали, когда папу в очередной раз перевели.

– И где он, собственно, сейчас? Уж не в Берлине?

– Нет, – засмеялась немного громче, чем обычно девушка, – он сейчас в Австрии.

– Но это ведь почти Германия, – не согласился с ней Молчун, опять пыгливо заглядывая ей в глаза.

Та не торопилась их отводить, а потому ему пришлось несколько потупить взор, чтобы не создавать еще более неловкую ситуацию.

– Да, ладно вам приставать с вопросами. Расскажите лучше о себе. Вы ведь так и не признались, почему до сих пор не женаты и чем занимаетесь в свободное время. Неужели, у вас и вправду нет девушки? – и она с наивной простотой уставилась на разведчика, смотря прямо ему в глаза.

– Хорошо, скажу. Но, прежде, чем ответить, ответьте мне и вы. Как оказалось так, что и вы Сладовская. Мне почему-то такие совпадения не кажутся смешными.

– А, что здесь рассказывать. Моя мама вышла замуж за папу и взяла его фамилию после росписи. Я ведь не виновата, что такая фамилия вообще есть, – немного удивилась такому вопросу Люся, – так что здесь ничего странного. Станным как раз выглядите вы, не имея за собой семьи, которая у вполне порядочного гражданина должна бы к этому времени и образоваться. Или вы закоренелый холостяк? – вопросом на вопрос ответила девушка и принялась ожидать уже своего ответа.

– Да, пожалуй, самое простое совпадение. Как это я об этом сразу не догадался. Но почему вы сразу мне об этом не сказали?

– А зачем? Чтобы вы начали задавать все эти подозрительные вопросы еще в начале нашего знакомства?

– Что ж, в этом есть резон, – согласился с ее доводами Молчун, немного откидываясь назад и переводя свой взгляд к окну.

– А вот и граница, – тихо сказал он, – смотрите внимательно, переезжаем Буг. Дальше уже Польша.

– А Польша, большая страна? – уточнила почему-то Люся, практически пододвинувшись к окну вплотную и просматривая все то, что находилось внизу под мостом, по которому следовал сейчас их состав.

– Да, нет, не очень. Германия, кстати, то же. Наш Советский Союз, наверное, самая большая страна в мире. Так что никому его не победить, если вдруг у кого возникнут такие мысли.

– А вы думаете, на нас нападут? – немного с тревогой спросила Люся и тут же отодвинулась от окна, словно от него исходила какая-то опасность.

– Трудно сказать. Но такой вариант не исключен. Мы ведь богатая страна. Да и люди у нас замечательные. Вон как работать могут. Как вы говорите, с энтузиазмом. Всего понастроили, заводы, фабрики новые открыли, индустрию развивают. Жалко ведь будет по-настоящему, если вдруг кто-то вознамерится все это разрушить.

Они на минуту замолчали, как бы переваривая внутри брошенные Молчуном слова, при этом упорно глядя на единственное окно, которое было в купе.

К ним почему-то не присоединились спутники, так что они вполне могли продолжать наслаждаться своеобразно предоставленной свободой, если брать во внимание то, что за время этого путешествия молодые люди уже немного подружились между собой и выглядели действительно, как самая настоящая пара.

Но так смотрелось со стороны, ибо она не предусматривала какие-либо внутренние раскрытия их душ, каждая из которых по-настоящему кипела и бурлила своей собственно наполненной жизнью.

Люся, практически полностью забравшись на полку, поджала под себя ноги и уперлась коленками прямо в свой подбородок, надежно прикрыв их перед этим сложенными одна поверх другой руками.

Молчун затаился еще глубже на своем месте и даже невольно продвинулся вглубь самого купе, тем самым предоставляя самому себе еще большую площадь для своего внутреннего наблюдения.

Тот факт, что они неожиданно вдруг оказались однофамильцами, почему-то упорно не выходил из его головы.

Вполне возможно, что это было обычное жизненное совпадение, но никогда нельзя было не учитывать тот факт, что уже и его самого могли надежно прикрывать те, кому это и положено по долгу невидимой службы.

Но поверить по-настоящему в то, что вот эта, хрупкая по-своему девушка и практически дилетант в разведывательном деле, несмотря на кучу предоставленных ею штампов, могла служить ему надежной защитой, все же он не мог, да и не верил по-настоящему, то и дело, обращаясь к своей вedomой во многом душе.

Она премного раз спасала его примерно вот в таких всевозможно возникающих ситуациях, но на этот раз упорно молчала, не извещая практически, ни о чем, разве что только о своем внутреннем ощущении какой-то тягостной для него самой близости, по сути, абсолютно чужой ему души.

Но возможно все этим и объяснялось, и просто так же по-настоящему девушка ему нравилась, а значит, чисто теоретически он терял все свои разведывательного характера способности и мог в достаточной степени анализировать ситуацию.

Но он ведь не увлекся ею и не дал повода для возникновения какого-то лично своего внутреннего волнения. Он всего лишь разговаривал с ней и старался все время быть от нее на положенном расстоянии.

Так что, фактор сближения мужчины и женщины здесь ни при чем.

Тогда что?

Не давал покоя ему внутренне заданный самому себе вопрос, ответ на который он никак не мог найти.

Такое положение вещей ему явно не нравилось, и это создавало в какой-то мере определенной степени дискомфорт, который неизменно сказывался на его настроении, в свою очередь которое вполне чувствовала и сама девушка, мирно сидевшая сейчас на своем месте, но вполне возможно, что и что-то придумывающая для его собственного разоружения.

Если это проверка, продолжал размышлять Молчун, используя несколько затянувшуюся паузу в их общении, то почему именно сейчас и почему именно в поезде, а не где-либо еще в другом месте. Хотя бы в той же Германии. Это было бы больше похоже на то, о чем он, естественно, всегда знал.

Или, возможно, случилась самая простая накладка, когда одного человека запускали в проект вместе с другим одновременно и, как бы это странно не выглядело бы, их жизненные пути пересеклись.

То, что Люся не совсем простая советская девушка, он явно догадывался. Взять хотя бы знания ею немецкого языка. Да и политически подкована очень серьезно, что не даст сойти с пути во время пребывания в другой стране.

Но тогда, какое она выполняет задание? И есть ли у нее так называемый перекрестный маршрут уже с ним самим.

Возможно, это даже радистка. Такие случаи бывали в их практике, хотя зачастую эту роль исполняли так обозначенные жены привлеченных к делу сотрудников.

Так было наиболее безопасно и, можно сказать, гарантировано. Ибо, какая жена выдаст своего мужа даже в случае его провала.

Надо бы пощупать ее с радиотехнической стороны, подумал в тот же момент Молчун и продолжил свое рассуждение.

Но, если это радист, то какого черта она едет вместе с ним, да еще с одинаковой фамилией и всем своим дипломатическим багажом, учитывая вес отца в том самом ведомстве.

Может, это провал уже наших служб или действительно накладка. Ведь практически никто не знает, что он здесь. Его имя по-настоящему законспирировано, а сам путь всегда он выбирает только сам, ставя об этом в известность всего только одного человека.

Пожалуй, так оно есть. И если не обманывает его душа, то она – эта девушка, и есть какая-то связная, но вполне возможно, что не с ним самим, а с кем-то другим.

С другой стороны, если подчиняться логике Сталина, то ему вообще такого рода связь больше не нужна. Все его задание заключается теперь только в том, чтобы, как говорится, не пропустить момент и вовремя предупредить об опасности.

Таким образом, сами связи ему больше не нужны, так как в случае какого-либо провала, могут добраться каким-либо образом и до него.

И хотя это было наиболее маловероятно, все же такую возможность исключать было нельзя. Кое-где в разведке всегда остаются так называемые следы, или особую роль играет ключ исполнения донесений, который своеобразно шифруется и принадлежит только одному человеку.

Потому противник всегда будет искать того, кто наиболее надежно затаился и ожидает своего часа.

Зная, как работает гестапо, Молчун ни капельки не сомневался в том, что и его собственный ключ давно вычислен, и только очень редкое и даже своеобразно ретушированное подключение к сеансам связи с наигранными шумами и всеми прочими ослиными атрибутами, как говорят, в разведке, позволяют ему до сей поры оставаться неизвестным, или представлять так называемую букву «икс» вполне немецкого происхождения.

Естественно, гестапо гонялось не за одним ним и помимо уже его самого были еще и другие службы, на техническом вооружении которых стояли самые передовые технологии в деле добычи так обозначенных сигналов.

Потому, Молчун был осторожен. Он все время был начеку и не мог позволить себе какой-либо внутренней уступки, которая могла бы привести к срыву наиболее важного в его жизни задания.

Как и многим в разведке, ему изначально предлагалось разное. Но то ли личные качества, то ли вполне обычный внешний вид немца с его так называемым немного бюргерским приличием, доставшемся непосредственно от предков по генетической линии, привели его к самому трудному по своему смыслу заданию – находиться в логове врага и практически не поставлять каких-либо сведений.

Эта долгоиграющая пластинка, как любил повторять его непосредственный учитель, когда-то сам на своей шкуре почувствовавший и прошедший подобный ад, непременно должна работать, или играть по-своему.

Это значит, что он просто должен был все впитывать, анализировать и по первому вызову предоставить именно те сведения, которые будут наиболее достоверны и раскроют замыслы врага задолго до их исполнения.

Так происходило уже в его практике несколько раз, и каждый раз он докладывал лично Сталину.

Конечно же, он немного приврал Люсе, опуская свой возраст вниз. На самом деле Молчуну уже было под сорок, или если уж точно, то тридцать семь с половиной лет.

Ему, конечно же, очень трудно было вживаться в роль и практически присутствовать при казнях многих и многих людей, придерживающихся именно его взглядов.

Но такова участь самого разведчика, и если он к этому не готов, то его никто и не отпустит в такую даль, да еще и с таким, по-особому важным заданием.

Он был рядом с Гитлером довольно давно. Еще в начале тридцатых годов, словно предчувствуя что-то нехорошее, его подготовили и внедрили именно те люди, которые непосредственно занимались разработкой политических лидеров. Для этого потребовалось многое, и сами детали даже от него самого скрыли, дабы не разглашать то, как было произведено непосредственно внедрение.

В конце концов, он лишь заменил собой одного человека, действительно по-настоящему переняв у того все его черты, вплоть до самых низменных его наклонений.

Это было сложно по-своему, но по-другому нельзя. Требовался именно такой человек, ибо без особого доверия вряд ли вообще можно было бы пробиться хоть куда-нибудь в той самой касте, что присутствовала на тот момент времени.

Вполне естественно, что все наши службы его вели. Они страховали повсюду на самых первых этапах его внедрения. Ни один шаг не мог быть сотворен без ведома той силы, которая его прикрывала.

Центр не мог допустить так называемого случайного совпадения и тщательно охранял жизнь своего представителя, буквально вытаскивая его из самых горячих жизненно возникающих ситуаций.

В конце концов, он пробился к своему визави и по-настоящему стал тому доверенным лицом, испытывая, правда, при этом неимоверное отвращение, которое подавлял только с помощью своей души, что так вполне естественно для него подсказывала прямым исполненным голосом, что и где необходимо делать.

Вначале сам Молчун думал, что это игра или проделки уже наших служб с помощью техники выявить у него самого хоть какие-то недостатки.

Но разговоры об этом никогда там не велись и со временем для себя он сделал единственно правильный вывод, что этому поспособствовала именно сама природа, таким обра-

зом прикрыв его самого от опасности, и, возможно, всего лишь с одной единственной целью – сохранить ему присущую жизнь.

Так вот и родился по-настоящему сам Молчун, позывной которого был практически неизвестен никому, кроме очень небольшого круга лиц, входящих к Сталину в самое ближайшее окружение.

Осознав легенду, Молчуну пришлось одеть ее полностью на себя и буквально слить себя с тем, что возможно происходило уже в душе непосредственно подмененного им человека.

Что с ним стало потом, ему было неизвестно. Но скорее всего, он был ликвидирован, как не нужное доказательство факта внедрения.

По большому счету Молчуна это не интересовало, да и времени особо разбираться со всем тем не было.

Его просто предупредили о том, что работать можно полностью безбоязненно. А это обозначало лишь одно.

Что вся так называемая генетическая линия либо была полностью уничтожена, либо сама по себе распалась благодаря времени и целому ряду сумбурно стекающихся обстоятельств.

Таким образом, Молчун был, хоть и не на короткой ноге непосредственно с Гитлером, но состоял рядом и владел ситуацией так, как возможно сам фюрер не мог ее обозревать, исходя из состояния своего физического здоровья и не совсем соответствующих времени теоретических рассуждений.

Сидя сейчас в тихом купе, Молчун вспоминал обо всем этом и особенно о том, как дались ему самые первые шаги в области совершения противоречащих обычному человеческому поведению преступлений.

Ему, естественно, приходилось лишать жизни тех, кто по-своему отстаивал какие-то права и был по-настоящему немцем, а не каким-то прихвостнем задравшего голову ефрейтора.

Именно так обозначали многие немцы фюрера в самом начале его восхождения, непосредственное участие в котором принимал и сам Молчун.

Своих соратников он вполне естественно не любил, и даже отчасти ненавидел, глядя, как они без зазрения совести запросто расстреливают или сжигают людей, не поддающихся их власти и не желающих признавать новую гитлеровскую действительность.

Он наблюдал за обычными грабежами достаточно богатых немецких граждан и вслед за этим производившимися убийствами целых семей. Однажды и ему самому пришлось выстрелить в какого-то ребенка, который по-настоящему нацелился в него самого из старого немецкого охотничьего ружья.

Это обстоятельство незамедлительно легло в виде доклада в его собственное досье, подготовленное самим гестапо, и по факту своей принадлежности он несоизмеримо точно подходил именно к тем, кто и обозначал себя национал-социалистами или попросту был членом НСДАП.

Чуть позже их всех назовут фашистами и приложат ко всему так называемое умозрительное заключение, связанное напрямую с применением в отношении других людей силы и проявлением особого характера жестокости.

И всей целесообразностью совершаемых им поступков было естественно одно – занять наиболее близкое положение к лидеру и пользоваться самым неограниченным с его стороны доверием.

По-настоящему, это была удача. Удача советской разведки, которую те же немцы не принимали всерьез, думая, что вместе с развалом царской России, исчезли и все те, кто представлял реальную угрозу их безопасности.

Потому, из своих лично его никто никуда не задействовал, а по мере возвышения самого фюрера, он и вовсе оказался не у дел, практически исполняя только одно – свое собственное присутствие и молчание в кругу окружения фюрера.

Но одного этого было достаточно Сталину и его верным соратникам, которые, несмотря ни на что, все же оставались при нем, для того, чтобы в любой момент можно было найти подтверждения тому, о чем они сами постоянно размышляли.

Оставить до особого распоряжения.

Так распорядился сам Сталин, и на том самом деле его было закрыто или переведено в разряд так называемых молчунов.

Такое случается в разведке и порой действительно важно только находиться там, где такое присутствие практически вообще исключено даже в случае применения самых сложных разработанных кем-то операций.

Молчун, или Евгений Викторович Сладовский, немного устало тряхнул головой, словно отбрасывая в сторону все свои мысли и посмотрел на часы.

– Сейчас будет граница, – произнес тихо он и начал потихоньку доставать из кармана свой паспорт, а с ним приложенные к нему другие документы.

Люся ничего не ответила, но также потянулась к своему пальто, доставая и какого-то его кармана уже свой, удостоверяющий личность документ, который непременно потребуется при проверке.

Так они и сидели, пока в купе не нагрянули польские пограничники, о чем-то между собой все время переговариваясь, и практически не обращая внимания на пассажиров, которые предоставили им свои паспорта.

Совсем скоро они ушли, заглянув перед этим, правда, на всякий случай под полки и немного покопавшись в саквояже девушки.

– Фу-у, – облегченно вздохнула Люся и даже немного расслабилась, откидываясь всем телом назад, – а что они там искали?

– Возможно, бомбу, – пожал плечами Молчун и принялся укладывать документы обратно, – теперь до границы с Германией. Там вот действительно будет невесело, и досмотр будет самый тщательный. Так что, будьте готовы.

– Всегда готова! – то ли в шутку, то ли всерьез бросила ему в ответ Люся и приложила согнутую в локте руку ко лбу, как то обычно делают пионеры.

– Вы эти штучки бросьте, – очень серьезно напомнил ей Молчун, – там шуток не понимают. Могут просто высадить и пойдете пешком обратно. А могут и вовсе арестовать.

– А что, они разве граждан СССР могут арестовывать? – спросила, волнуясь, девушка и даже подалась немного вперед.

– Не знаю точно, не приходилось лично наблюдать, но случаи такие все же были. Я как-то слышал от самих немцев. Да, вы, поймите сами, кто и где кого-то будет искать. В лучшем случае напишут какую-нибудь ноту протеста в связи с пропажей человека или того же советского гражданина. А у них всегда найдется отписка. Скажут, или не приезжал вовсе, или из поезда выпал, как это часто случается, когда сильно с алкоголем переберут. Вот и оправдание. Потому, нужно быть осторожным и не подавать повода для своего задержания.

Люся прикусила на всякий случай губу и снова отодвинулась назад, как будто уже ее саму кто-то собрался забирать.

Заметив это, Молчун сказал:

– Бояться так тоже не надо, а то еще подумают, черт знает что. Я ведь говорю, что у этих немцев своеобразное мышление. Оно немного отличается от нашего. Не знаю, как там оно отражается на языке и его диалектах, но на людях вполне очевидно. В общем, всегда думайте, о чем говорите и просто так, невпопад фразы не бросайте. Немцы этого не любят. Они привыкли к сдержанности и культуре общения. Никто не навязывается к вам, и вы должны поступать, соответственно, так же.

– А как же спросить что? Тоже нельзя? – немного огорчилась Люся, широко раскрывая свои глаза, ярко выражающиеся своей синевой и словно желающие поглотить все то, что попало в их поле зрения.

– Спросить, это другое дело. Я ведь сказал, что немцы – вежливые люди и в заданном вопросе вам не откажут. Правда, перед самым вопросом необходимо обязательно извиниться. Так принято.

– Странно все это, – подвела итог всему Люся и вновь закуталась в одеяло, как будто ей на самом деле было холодно.

– Да нет, не странно, в общем-то. Просто другие люди и несколько иные принципы жизни. Мы к своим привыкли, а они, естественно, к своим. Вот так и живем пока, а что будет дальше неизвестно.

– Будет коммунизм, – уверенно и с особой гордостью сообщила девушка. – Немецкие товарищи тоже скоро подтянутся и совершат настоящую революцию, чтобы рабочий класс взял власть в свои руки.

– Господи, – взмолился на этот раз Молчун, – да, потише вы выступайте и не горячитесь. А то нас вернут обратно. Вы думаете, в вагоне нет шпионов? Ошибаетесь. Их полно. И даже стены способны прослушивать. Так что, давайте без ваших лозунгов и лучше вообще отказаться от каких-либо политических терминов. Вы на конференцию едете? Вот и будьте любезны по своему предмету отвечать. А то так, действительно, не доедете, и люди останутся без вашего доклада.

Девушка немного насупилась и несколько секунд помолчала, но затем снова взяла слово и сказала:

– Ладно, уж вам. Буду предельно осторожна. Постараюсь не испортить себе жизнь.

– Вот и славно. А теперь, с вашего позволения, я на время прилягу. Что-то подремать хочется. Наверное, от разговоров устал. Старею, однако, – и Молчун, бросив на полку серого цвета одеяло и подоткнув под него розовую подушку, принялся выполнять сказанное.

– Ну и я тоже, – тихо ответила Люся, быстро просовывая вместе с одеялом вперед ноги и удобно вытягиваясь во весь рост на самой полке.

Спустя время в купе наступила тишина, и на время все помещение погрузилось в сон.

Каждому из наших героев снилось что-то свое, и каждый реагировал на него по-своему.

Молчун, вначале абсолютно спокойный, спустя какое-то время начал немного вздрагивать и периодически сжимать кулаки.

Люся, отвернувшись перед сном к стенке, на этот раз повернулась лицом вверх и что-то бесшумно шептала, перебирая во сне губами.

Могло даже показаться, что она шепчет или читает про себя какую-то молитву, вместе с тем далеко уходя в себя, чтобы о ней никто, соответственно, не узнал.

Разведчик немного ослабил хватку и через время уже более спокойно повернулся на другой бок и, казалось, затих надолго.

Видимо, какое-то, его тревожащее беспокойство немного ослабло, и сон представил перед ним уже иную картину, возможно, более спокойную и совместимую с его обычно протекающей жизнью.

Девушка еще спала, когда Молчун неожиданно проснулся и довольно резко открыл глаза.

Что-то, словно током, ударило его по голове, отчего внутри послышался треск, а затем так же внезапно все стихло.

Какая-то внутренняя теплота расплылась где-то внутри, и его снова потянуло в дремоту.

Но спустя еще час он окончательно проснулся и принялся рассуждать, как всегда, на свои излюбленные темы.

Кто же эта девушка? В который раз спрашивал он сам себя, и в то же время не мог подобрать правильный ответ.

Какие-то сомнительного происхождения мысли не покидали его голову ровно до той поры, пока он не задумался над другим.

А из чего, собственно говоря, все началось. Или вернее, от чего. По дороге от Сталина он не наблюдал слежки, да ее и не могло быть, так как никто не знал о его присутствии и даже о том, кого он собой представляет.

Даже для охраны он был просто человек, вызванный откуда-то Сталиным и прибывшим для доклада.

Вполне резонно всякому предположить, что и находится он здесь, в Советском Союзе и никакая заграница ему, соответственно, не нужна.

Потому и слежки, как таковой, быть не должно, разве что, кто-то из бывших комиссаров решил еще раз доказать Сталину свою лояльность и вычислить дополнительно еще одного врага.

Но в таком случае, его бы давно уже арестовали и не вели бы так долго до самой границы и даже дали возможность ее пересечь.

Значит, здесь что-то другое. Возможно, замешаны уже немцы. Но, кто мог бы слить его самого, кроме как его собственно допущенная ошибка.

Но он не допустил ее, и в этом как раз был уверен.

Очевидно, девушка либо курьер, либо посланец кого-то к кому-то. То, что она едет на какой-то там семинар, хотя он, несомненно, в таких случаях имеется, просто выдумка или легенда.

Но это же значит и другое.

Тот, к кому на помощь мчится она и есть настоящий резидент в Берлине, если не брать во внимание ее настоящего отца, который вполне таким может оказаться.

Но Австрия – не Германия. Это разные территории и можно было бы придумать кое-что и получше, если бы, действительно, до такого дошло.

Как не крути, а она из его среды, но в то же время, то ли слабо подготовленная, то ли слишком уж играет свою роль, так сказать въедливо до конца. Такие установки бывают и им, как правило, верят. Но кто?

Самые простые люди. Любой же агент, с какой стороны баррикад он не находился, прежде всего, в ком-то другом видит такого же агента. А по-другому просто и быть не может.

Но здесь остается еще одна не выясненная деталь. Как обстоит дело у нее со связью. Способна ли она признаться, что может разбираться в чем-то, или опять будет корчить из себя обычную простоту. Нужно будет перевести разговор в необходимо е русло или как следует спровоцировать обратным ударом.

Ведь увидела же она его ручку или карандаш, пока он всячески пытался его хоть как-то приспособить для записи.

Так, что это? Случайность, совпадение или хорошо построенная игра на чьей-то стороне.

А может она действительно немка? Этого также нельзя исключать. Разведка вермахта работает так же хорошо, как и гестапо, которое старается по большинству в дела другого ведомства не лезть. Хотя есть, конечно же, исключения.

Потому, вполне очевидная советская девушка может вполне оказаться какой-нибудь фрейлейн или фрау прямиком по приезду в сам Берлин. И хотя это мало допустимо, но такое также нельзя исключать, а значит, и вести себя нужно соответствующе.

Но вот какого черта совпали фамилии? Это действительно загадка.

Хотя доля случайности все же есть, как всегда. Но почему-то в таких делах она маловероятна.

В общем, вопросов куча, а ответов, по сути, нет. Хотя с другой стороны, кто он для нее. Обыкновенный советский служащий. Ничем не примечательный и особо не представляющий интерес для сотрудника шпионского ведомства.

Был бы он дипломатом хотя бы или каким-нибудь его помощником из отдела внешних отношений, был бы куда интересней. А так, пустая трата времени, хотя бывали случаи, что даже через самых простых людей или так называемый обслуживающий персонал выходили на нужную информацию, если таковая требовала своего подтверждения.

Кто-то где-то, как всегда, бегло бросил слово, а кто-то другой его подобрал. И этого уже достаточно для того, чтобы приняться за работу всерьез, или взять какого-либо человека в разработку.

Думая сейчас о своей непосредственной работе, Молчун постепенно приходил в себя и чувствовал, как к нему возвращалась сила, которая неожиданно покинула его на время посещения Москвы.

А может, так нужно самой природе? Подумалось в тот момент разведчику. Дома ведь нужно отдыхать, та ведь никто не дышит в спину. А здесь в глубоком тылу противников нужна абсолютно другая сила, которая способна пробивать чужие мозги добывать из них необходимую для него информацию.

Покрутившись еще немного на своей полке, Молчун привстал, а затем решил пойти умыться, чтобы принять более свежий вид.

Люся, судя по всему, еще спала, а потому он тихонько приоткрыл дверь и вышел из купе, всеми своими движениями стараясь ее не разбудить и освободить от сна.

Спустя время он возвратился и так же тихо пробрался внутрь, стараясь производить как меньше шума.

Но девушка к тому времени проснулась и просто лежала на своей полке, немного вытаращив вверх свои красивые синие глаза.

Молчуну такое ее положение почему-то показалось странным, и он наклонился к ней ближе, предварительно помахав перед ее лицом рукой.

Реакции не последовало, и Молчун всерьез забеспокоился о том, жива ли она вообще.

Он быстро похлопал ее по щекам, в надежде на то, что она все же просто спит с открытыми глазами и вот-вот проснется.

Люся внезапно встрепенулась и, можно сказать, почти вскочила со своей полки, едва не сбив с ног самого Молчуна.

– Что? Уже приехали, я опоздала, я сейчас оденусь, – и она неожиданно начала хватать все вещи подряд, пока сам разведчик ее не успокоил и попытался усадить на место.

– Да, присядьте же вы. Успокойтесь. Мы едем. Просто вы меня всем своим видом просто напугали. Я подумал, что что-нибудь произошло. Может, с сердцем плохо?

– Да, нет же, – бухнулась на свое место девушка и неожиданно рассмеялась, – я бывает, так сплю. Даже мама порой пугается и так же будит. Не знаю, отчего так случается, но бывает. Страшно со стороны?

– Да, уж не совсем приятно наблюдать за тем, как человек вроде бы и спит, и нет одновременно. Тут уж не знаешь, живой или нет, – честно признался Молчун, сбрасывая с себя то внезапно нахлынувшее волнение, которое принесла своим видом девушка.

– А вы, что подумали?

– Я подумал, что вы, может быть, чем-нибудь отравились или вообще, задохнулись. Такое бывает, если сердце больное.

– Извините, не предупредила об этом. Да и не думала я, что так будет. Наверное, просто устала, – объяснила такое положение вещей Люся.

– Да, чего уж там извиняться. Хорошо, что все нормально. Давайте, приводите себя в порядок и потом поговорим обо всем. У меня есть к вам парочку вопросов.

– Хорошо, – уже более бодрым голосом ответила ему Люся и, собрав необходимые ей вещи, вышла из купе.

– Черт возьми, подумал про себя Молчун, – если это такой розыгрыш, то она мастерски играет роль. Думаю, что обычный человек вряд ли бы в чем-то в данном случае сомневался. Так картинно все было сделано.

Все же разведчик раскусил ее и понял теперь по-настоящему, что это игра. Где-то она все-таки переиграла свою героиню и даже, можно сказать, засыпалась.

Но это, по его мнению, опытного во многом разведчика и повидавшему множество различного рода ситуаций.

Хотя, надо признаться, что разыграла она его мастерски. Только один взгляд ее выдал, когда она, как будто неожиданно проснулась и пришла в себя.

Что-то было с тем самым взглядом не так, и сам Молчун это усмотрел. Хотя вполне можно было бы сказать, что почувствовал, если брать во внимание в какой стороне образуется сам окончательный результат.

– Но это все хорошо, – думалось ему дальше, – но позвольте узнать, для чего она так рьяно ломает комедию или ведет свою игру. Может, она просто тренируется? – неожиданно пришло ему в голову решение, от которого он сам внезапно опешил, обретая, очевидно, точно такое же выражение лица, как и у его спутницы.

– Так вот оно в чем дело, черт возьми. Нашла время поупражняться. Точно, все способы, как на тренировке в лагере сбора, прошла. Остается только один. Интересно, им воспользуется или оставит все, как есть до следующего раза. Ну, чертовка, вот я тебе сейчас задам.

Что-то в ее поведении по-настоящему разозлило сейчас Молчуна, и он решил, во что бы ни стало, вывести ее на чистую воду. Правда, что делать потом со всем этим, он пока не знал, а потому принял единственно верное решение для самого себя, просто посмотреть, как будет развиваться ситуация дальше.

Времени было еще вполне достаточно для того, чтобы расставить все точки над «и» и как следует подчистить хвосты, если они были на самом деле.

Глава 2. Мосты

Гитлер, словно сумасшедший, носился по своему кабинету, а в округе него стоявшие подчиненные то и дело сторонились от его стремительных проходов.

Не хватало еще, чтобы фюрер, действительно, на кого-то наткнувшись, лично обратил внимание на него, и вполне естественно затем обратил весь присутствующий в нем гнев.

Это была самая жестокая порка, если так можно было сказать о самых высоких чинах, которые присутствовали на совещании.

Как и положено, с целыми портфелями документов в руках и по стойке смирно здесь находились все ответственные лица Третьего рейха, судьба которых напрямую зависела от принимаемых Гитлером решений.

И хотя само по себе помещение рейхсканцелярии было огромным, все же места в ней по-своему недоставало.

Генералы и адмиралы, можно сказать, толпились здесь небольшими группами, в большей части разделяющимися между собой либо по признаку родов войск, либо по отношению к какому-нибудь ведомству.

На минуту остановившись, фюрер смахнул пот со лба, вытерев его платком, и щелчком головы отбросил в сторону свою челку, постоянно свисающую на глаза и, казалось бы, мешающую во всем.

Но так могло казаться только самим подчиненным.

С его же личной стороны, как это не показалось бы странным, это была наилучшая маскировка, которая позволяла наблюдать уже ему самому за всеми, кто присутствовал в зале, и даже отчасти за повсюду расположенной охраной, которая на время таких собраний застывала, словно скала, и, можно, сказать не проявляла себя ничем.

Гитлер не слыл особо жестоким человеком по отношению к своим, но и расслабляться не давал никому.

Очевидно, сказывалось его ефрейторское прошлое, когда еще, будучи в кайзеровской армии, он командовал всего несколькими солдатами, за которых то и дело получал втык от своего непосредственного фельдфебеля.

Потому, дисциплину фюрер любил и соблюдал в точности, как ее же привили ему еще в молодости.

Даже своеобразные движения во многом напоминали те давно ушедшие в небытие годы, когда он торчал в окопе и неизменно отмахивался от окопных вшей.

Своеобразно, то была происходящая, время от времени, встряска его организма, приученного лишь к тому, чтобы освободиться хоть на какой-то период от кучи надоедливых паразитов.

Никто, естественно, не придавал тому именно такого значения, и всем почему-то казалось, что просто он сам по себе такой импульсивный или по-особому гиперстатический, как однажды сказал ему какой-то немецкий профессор, имя и фамилию которого он сам забыл уже давно, а вспоминать прошлое, как всегда, было неприятно даже для него самого.

Но так записали в его личном деле и, возможно, потому все и поверили тому написанному, совсем не придавая ему значения, а просто воспринимая все, как этакую чудаковатость самого фюрера.

Наблюдая за всеми исподлобья, Гитлер оказывал на некоторых своеобразное влияние, отчего порой случались казусы, и какой-либо генерал, то и дело, падал в обморок.

Фюрера, конечно же, все это бесило, и он во всю топал ногами и кричал, чтобы ему неизменно подавали только молодых генералов, крепких здоровьем и готовых идти в бой, как он говорил, вместе с ним.

Но все же иногда прокатывались и молодые, и уже затем Гитлер сам приходил на помощь, помогая им подняться и несколько восторженно при этом говоря:

– Они падают от моей внутренней силы. Я великий идеолог Германии. Я ее вождь. Во мне собраны самые сильные черты немецкого народа, и я их воплощаю в жизнь. Меня не победить злой пулей или снарядом. Я выражаю в своем роде бессмертие. И вы все должны верить тому. И вот вам вполне естественное подтверждение.

Спустя время, лично сам фюрер приводил в чувство упавшего во временное беспамятство человека, и это действительно повергало в шок даже самых стойких из них и мало верящих всей этой баснословной чепухе, которую он им преподносил.

Но все же сила в нем какая-то была, и это признавали многие, но все же признать ее, как какую-то вполне естественную величину, не хотели, да и не имели по-настоящему права, как с точки зрения науки, так и простого обычно существующего в общей среде мнения.

Потому, все сводилось к вполне естественному и оправданному самим временем перенапряжению, в результате которого и наблюдались частичные обмороки уставших от своей службы людей.

Зачастую, сам фюрер отправлял таких людей на отдых, и не жалел действительно для них ничего, выделяя где-либо исключительно хорошие места и вознаграждая, конечно же, материально.

– Пусть, чувствуют заботу фюрера. Они – солдаты Германии. Они завоюют нам мир. Мы им обязаны всему. А потому, честь им и хвала, и пускай набираются побыстрее сил.

Естественно, чувствуя такую поддержку со стороны своего руководства, каждый такой генерал или бывало даже обычный солдат свято был предан самому фюреру, ибо на тот момент в его понимании тот был, чуть ли не единственным их всех окружающих людей, который реально оказал помощь и при этом не ограничился лишь какими-то словесного характера признаниями или навешанными на грудь побрякушками, в виде медалей и орденов.

Хотя Гитлер, несомненно, награждал и этим, демонстрируя периодически всю свою искреннюю любовь к военно образованному человеку.

Так он именовал всех без исключения военнослужащих, включая сюда и обычных рядовых существующего на тот период вермахта.

Возможно, за этим стояла его личная проблема какой-то общей неудовлетворенности в деле признания всех его заслуг за годы первой мировой войны, а возможно, он просто сам хотел видеть в них именно такое отражение им собственноручно построенной действительности.

То, что Германия на то время представляла собой единый во всем воинский контингент, не вызывало сомнения ни у кого.

Даже промышленники носили военную форму и отвечали за все по-военному, невзирая на то, что в самой армии, как правило, не служили и имели о ней весьма поверхностное представление.

Но самого Гитлера это не смущало, и в случае какой-либо провинности, он запросто мог отправить любого на фронт или просто в какие-нибудь тыловые подразделения для сбора опыта военной службы и оттачивания величины исполнения вышестоящих приказов.

В целом фюрер по большинству действовал и принимал решения, исходя из своих личных соображений, или из того, как он сам понимал саму суть исполнения, чьего бы там ни было, приказа уже в годы своей молодости.

Собственно, на этом и строилась так называемая дисциплина в немецкой армии, которая оттачивалась годами неумного наблюдения со стороны самого вождя.

Если кто-то думает, что в той прежней или кайзеровской армии было нечто подобное, то несколько ошибается.

Там присутствовала так называемая палочная дисциплина, доставшаяся во многом всем немцам от предков и передающаяся из поколения в поколение.

В гитлеровской же армии она была практически исключена, так как сам Гитлер не воспринимал подобную позицию, как истинно законную меру принуждения именно в той сфере, где повсюду присутствовало оружие и вполне естественно оно могло в любой момент выстрелить обратно.

То есть, уже не по врагу, а самому начальнику, отдавшему распоряжение подвергнуть палочному или другого рода наказанию.

Потому, Гитлер отказался от типично немецкого подхода к делу и взял решительный курс на выравнивание всех прав военнослужащих от рядового до генерала, и ввел личную ответственность, как за неисполнение приказа, так и за своеобразное превышение служебных полномочий со стороны вышестоящего командования.

Он всех обозначил солдатами и благодаря именно этой мере своей предосторожности избежал многих так называемых армейских переворотов.

Солдаты уважали его, а офицеры беспрекословно подчинялись и соответственно побавивались. Ведь никто не знал точно, что может выкинуть в любой момент бывший ефрейтор, несомненно, так им и оставшимся в истинном понимании самих этих людей.

С одной стороны они в своих узких кругах обсуждали и осуждали эту проблему некоторого равенства военнослужащих, а с другой восхищались самим фюрером, так как, по сути, ничто не мешало им без всякого палочного принуждения посылать солдат в бой или куда-то еще.

Достаточно было одного упоминания его имени или обозначения статуса вождя, как тот же солдат мгновенно принимал строевую позицию и практически бегом несся исполнять приказание.

Именно на идеологии и достаточно близком отношении Гитлера к простому солдату и строилась жесточайшая дисциплина в немецкой армии под руководством самого фюрера.

Это было вполне осознанное исполнение распоряжений и приказов, следовавших из одной и той же головы, которая заботилась о них самих и, естественно, об их семьях.

В то же время нельзя сказать, что тот же Гитлер, когда-то укусив солдатского хлеба и, как следует, покормив в окопах вшей, сильно потворствовал всему рядовому составу. Нет, он заботился о нем, но спуску как раз не давал, только ужесточая общую дисциплину и приучая каждого к повседневному порядку.

На почве всеобщей образующейся воинской повинности и сформировалось в целом само немецкое общество с некоторого рода гипертрофированным чувством ответственности и всей, во многом упорядоченной, системой общих взаимоотношений.

Можно было бы даже сказать, что тому поспособствовал лично фюрер, как самый великий идеолог немецкой нации и очень решительный руководитель своего государства.

Как раз на почве некоторого слияния самих государственных интересов и откровенно личных, по-своему обустроенных убеждений самого лидера и родился так называемый нацизм, широко исповедуемый в Германии, как единственной стране мира, где во всю свою мощь выразился настоящий фашизм.

Что значит, нетерпимость ко всему остальному, что не преследует те же идеи и не пытается повторить то же самое на себе.

Этим и объясняется истребление многих народов, которым занялся непосредственно Гитлер, как человек, практически полностью лишенный воли своего жизненного рассудка, исключительно благодаря только существующей в его голове идее так называемого превосходства.

Но об этом он сам писал неоднократно, и говорить что-либо еще по этому поводу просто бессмысленно.

В этот день, а именно как раз накануне своего дня рождения, фюрера неожиданно для многих прорвало.

Он выступил с необычайно пафосной речью, чем, по сути дела, «завел» всех своих генералов и решительно потребовал от них так называемых реальных действий.

Он приложил свою руку к карте и, взяв в руку один из карандашей, широко обвел круг в самом центре Европы, вплоть до территории Советского Союза, и торжественно произнес:

– Начиная с этого самого дня, я приказываю всем идти самым победным маршем по Европе и принудить все имеющие страны к непосредственному исполнению всех моих приказов. Нам всенародно потребуется некоторая поддержка, а потому необходимо провести во многих местах и городах митинги, на которых донести людям наши планы и рассказать, наконец, всем им по-настоящему теорию нашего немецкого превосходства. Это я возлагаю на вас, Гесс, и соответствующие вам ведомства, включая гестапо. Всех остальных я призываю к общему сотрудничеству, единению и полному подчинению моим руководящим приказам. Выстоять в этой борьбе мы можем только с нашим народом и солдатами вермахта, готовыми, все как один, сражаться за будущее нашей великой Германии.

Гитлер отступил от карты в сторону и на ней четко остался след жирно обозначенной карандашом линии, что обозначало практически лишь одно – настоящее объявление войны всем тем, кто попадал в ту самую зону.

Но все генералы молчали и испытывали свое терпение, прекрасно понимая, что фюрера сейчас не остановить, так как он был весь на взводе или в среде лично своего пафосного окружения.

Его мысли витали повсюду в рейхсканцелярии, и полностью блокировали самое малейшее сопротивление производимым им высказываниям.

Таким образом, начало войны хоть и не было официально объявлено, но было статистически обнаружено именно в этом кабинете и как раз накануне юбилея самого фюрера.

Где-то в коридоре толпились все денщики с приготовленными подарками, которые, в свою очередь, уже просмотрели те, кому положено было отвечать именно за безопасность руководителя государства.

Спустя время они были допущены к своим генералам и адмиралам, и в том самом помещении началось настоящее столпотворение.

Каждый лично подходил к фюреру и подносил какой-либо подарок, вполне естественно отправляя своего денщика назад, по факту чего сам Гитлер выразил неудовольствие и приказал подходить к нему вместе со своими подчиненными.

– Мы не можем отказать солдату, поприветствовать лично своего фюрера. Пусть, для них это останется в памяти, и пусть они с успехом будут биться на фронтах, представляя и защищая уже наши интересы, которые не исключают и их собственной заинтересованности.

Фюрер выдал свое очередное распоряжение, и уже через минуту к нему всем фронтом маршировали те, кому он и предоставил своеобразную честь поздравить лично себя.

За денщиками маршировали генералы и выбрасывали руку в нацистском приветствии.

Так продолжалось до той поры, пока самый последний солдат, стоящий рядом со своим генералом, не отпартовал лично и не отошел в сторону.

Гитлер остался один в значительном окружении своих самых ближайших соратников, которых он пригласил в свою собственную столовую, чтобы отпраздновать то, что накануне озвучил, совместно с очередной датой своего рождения.

Дверь столовой практически настежь распахнулась, и все увидели хорошо подготовленный и наполненный всевозможными яствами стол, подход к которому охраняли одетые в белое официанты мужского и женского рода с черными и красными свастиками на одеждах.

Все присутствующие неожиданно захлопали, заставив тем самым немного содрогнуться и чуть позже похлопать самого фюрера.

– Точно такой же стол сейчас накрыт в другом зале для наших солдат или тех, кто непосредственно прибыл сейчас с генералами, – обратился Гитлер ко всем, продолжая стоять непо-

далеку от обеденного и очень большого по своим размерам стола. – Я попрошу привести сюда несколько солдат, чтобы они убедились в том, что мы все практически одинаковы и, можно сказать, едим с одного стола.

И фюрер жестом показал охране, что можно ввести сюда несколько человек.

Те маршем прошли по предоставленному им генералами коридору и остановились непосредственно перед Гитлером, по-особенному вытягиваясь во фронте и, казалось бы, едва касающихся при этом самого пола.

– Вольно, солдаты, прошу всех за мной, – скомандовал лично фюрер и, взяв непосредственно одного из них под руку, повел его к наполненному яствами столу.

– Вы должны убедиться в том, что все мы не отличаемся друг от друга и практически едим одно и то же, несмотря на наше различие в рангах и должностях. Мы все солдаты нашей страны и мы все, как один, за Германию. Хайль, Германия! Хайль, фюрер! – неожиданно перед самым столом лично Гитлер выбросил руку в приветствии, отчего солдаты незамедлительно обрели строевую стойку и так же в один голос повторили им сказанное.

Это понравилось фюреру, и он еще раз убедился в том, что все они объединены сейчас одной целью, а значит, сделают всё для ее достижения.

– Вот, посмотрите. Здесь всё, как и у вас. Можете даже попробовать, – и он дал знак официанту налить в бокалы немного вина и положить в небольшие блюда по кусочку испеченного по торжественному случаю пирога.

Вполне естественно, что солдаты несколько ступшевались, находясь среди такого огромного количества их же начальников, и продолжали стоять по стойке смирно, не зная в точности, как правильно действовать в создавшейся ситуации.

Но неожиданно сам фюрер пришел им на помощь и, взяв поочередно необходимое количество приготовленных бокалов вина, он раздал их всем присутствующим здесь солдатам, а затем, приняв из рук официанта бокал и себе, приподнял его вверх и торжественно произнес:

– Солдаты должны выпить вместе с их фюрером. За его жизнь. За победу. И за победу Германии.

Гитлер быстро обошел их небольшой строй, чокнулся с каждым поочередно и движением руки и головы разрешил выпить налитое тем количество вина.

Солдаты выполнили приказ и практически так же одновременно приложились к тем небольшим, нарезанным наспех кусочкам праздничного пирога, чтобы на самом деле выполнить приказание фюрера до конца и тем самым подтвердить свою личную преданность.

После этого демонстративно прикрыли свои рты носовыми платками, вытянутыми из нагрудно притороченных карманов своих мундиров, всем этим показывая самому фюреру свою личную культуру, добытую непосредственно в казармах своей повседневно армейской жизни.

Гитлер похвалил их за это в очередной раз и привселюдно объявил всем благодарность, приказав тут же незамедлительно внести ее каждому в личное дело солдата вермахта.

Это было самое наибольшее по заслугам вознаграждение для солдата, так ли иначе, но относящегося к армии, несмотря на вполне возможную принадлежность к какому-нибудь тыловому подразделению.

Даже вручение железного креста не происходило без объявления именно этого, что и ставило в соответствующий ранг саму степень выражаемой благодарности.

Спустя короткое время, солдаты по команде старшего из них повернулись кругом и так же строевым маршем покинули помещение, чтобы донести такую радостную весть до всех остальных сослуживцев и продемонстрировать, как их лично вознаграждал сам фюрер, приветствуя своей рукой и собственноручно вручая бокал празднично налитого вина.

В этом и заключалась победа самого Гитлера на фронтах и в этом же проявлялась исключительная стойкость самих немецких солдат, которые выполняли очередной приказ вермахта.

Никакая палочная дисциплина или что-то там еще принудительно исполнительного характера не могли привить то, что по-своему совсем показушно прививал Гитлер, используя для этого свои собственные методы так называемого личностного характера убеждения.

Это и послужило причиной для продолжительно длинного периода развала всего германского государства, обоснованного лично фюрером с его теорией верхнего превосходства.

Но, по сути, сама его идеология была здесь абсолютно не причем. Только исключительно жизненное участие руководителя государства в личной жизни самих солдат и создало тот защитный барьер, благодаря которому он и мог защищаться в дальнейшем столь значительное и продолжительное время общего отступления на всех фронтах.

Это не была идеология самих солдат. Это была всего лишь идеология жизненного права на свою личную жизнь и ее материальную обустроенность.

После ухода солдат, Гитлер широким жестом руки пригласил всех собравшихся чувствовать его день рождения в зал и привычно пропустил многих из них вперед, предоставляя право быть первыми на этом большом пиршестве.

Где-то примерно на середине входящего людского потока приглашенных, он и сам прошел вперед и со временем занял подобающее ему место.

То было встречено громкими аплодисментами и быстро распространяющимися овациями вперемешку с криками «Хайль» и «Хайль, фюрер» с ощутимо громким прищелкиванием каблуков.

Вскоре этот процесс прекратился, и весь зал замер в ожидании речи именинника.

Фюрер намеренно медленно встал, показывая в очередной раз всем свою внешне выраженную усталость, и попросил разрешения произнести тост за величие Германии и непосредственно самого фюрера.

После довольно впечатляющей речи продолжительностью около десяти минут Гитлер, наконец, взметнул бокалом вверх и дал ясно понять, что можно действительно выпить и пора начинать само празднование.

По случаю юбилея сюда, конечно же, были приглашены артисты, и для них специально была построена сцена, которая незаметно выдвигалась из глубины, тем самым шокируя всех не посвященных в более подробные детали этого процесса.

Гости рассаживались, кто куда и, по сути, было без разницы, кто будет присутствовать рядом с самим Гитлером, ибо, как правило, он этого вовсе не замечал.

Занятый лично собой и своим по-особому восторженным взглядом на все происходящее вокруг него, фюрер терял на время свою личную бдительность и был чем-то похож просто на младенца, который находится в зоне особого пристального внимания всего окружения.

Его стриженные коротко усы при этом топорщились, выдавая немного вперед верхнюю губу, а подбородок ниспадал немного вниз, приоткрывая на время полуразрушенные зубы, которые он никак не хотел лечить, ссылаясь исключительно на то, что сильно занят.

Врачи по-настоящему негодовали из-за того, но им было невдомек, что сам Гитлер попросту боится зубной боли, а также того, что вдруг кто-то неожиданно воткнет ему в рот капсулу цианистого калия и заставит вполне естественно ее проглотить.

Тот же фюрер нуждался и в операции, но и здесь не доверял врачам именно по той же причине и практически до самой своей смерти страдал от боли, едва-едва успокаивая ее с помощью обычных таблеток.

Сами таблетки ему приносили его друзья, то бишь соратники по партии, которым он, соответственно, доверял и с которыми он сам мог быть вполне откровенен.

Они также всячески склоняли его к операции или хотя бы к частичной госпитализации, но хитрый по-своему Гитлер в этом вопросе не доверял даже им, предполагая внутри, что с помощью этого они смогут прибрать к рукам им самим выстроенную в Германии власть.

Так вот и сейчас, находясь на своем месте, он в некоторые моменты вспоминал о своей личной боли, незаметно для всех содрогался всем телом и немного прикусывал и так плохо сохранившиеся во рту зубы.

Но наблюдая за своим таким весьма широким гостеприимством, он мгновенно забывал обо всем и традиционно взмахивал всего лишь головой или вскидывал руку в надлежащем приветствии, которую, кстати, держал подолгу, так как именно это позволяло ему на какое-то время избавляться от боли в своих суставах.

Другие же, наблюдая за ним со стороны, неизменно думали о том, что тем самым Гитлер запечатлевает величие обозначенного символа нацизма и своеобразно демонстрирует уже свою силу воли в деле достижения общих интересов, касающихся их партии и в целом Германии.

Таким образом, каждый со стороны видел в нем что-то свое, придуманное и прославленное им лично за время наблюдения этого процесса, в большинстве своем имеющего смысл действия подражающего характера.

Но фюрер порой сам раздражался от этого и иногда даже принудительно заставлял кого-то опускать руки, если количество затраченного на это времени с другой стороны гораздо превосходило его собственные порядки.

Особого подражательства он все-таки не любил, как и не любил слушать особо восхваляющие его самого речи, считая это признаком слабости или даже какой-то трусости по отношению лично к нему.

Таких людей, как правило, он к себе не подпускал, а если и приходилось с ними общаться, то только исключительно по необходимости, которую сам Гитлер сокращал до самого минимума.

Гораздо большего с его стороны заслуживали люди так называемого арийского происхождения.

В них он видел настоящую силу немецкой нации и, как мог, противостоял отправке таких лиц на фронт, считая, что в результате этого они могут потерять всю линию генетического соблюдения, а вместе с ней и все население самой Германии.

В связи с этим он в срочном порядке издал приказ о принудительном взимании семени и выращивании детей практически из пробирок.

И хотя врачи на тот период были еще далеки от так называемого искусственного оплодотворения, все же кое-какие успехи имелись, и их нужно было, соответственно, развивать.

Именно на этом и было основано его новое распоряжение о создании концлагерей для неполноценно сложившихся наций.

– Они послужат нам и науке, – так лично сказал он сам на очередном митинге в самом Берлине.

Принуждал Гитлер в то же самое время и рожать как можно больше детей, и даже заставлял ближайших к нему офицеров проделывать это ежегодно.

– Чем больше немцев, тем больше перспектив новой линии генетического развития, – так говорил он своим друзьям по партии.

И они, естественно, его поддерживали в этом, заставляя уже в свою очередь заниматься тем же своих подчиненных.

В целом весь этот процесс затронул всю Германию, буквально распотрошив всех с малого до великого в деле достижения так обозначенных национальных интересов.

Наблюдая за многими из приглашенных гостей, фюрер ежеминутно крутился по сторонам, выискивая лиц, надлежащих истинному крылу его партии.

– Геринг, Геринг, подойдите сюда, мой друг. Я хочу с вами поговорить.

Еще не до конца оформленный маршал немецкой авиации незамедлительно бросился к фюреру и застыл перед ним в ожидании приказа.

– Расслабьтесь немного, – усмехнулся Гитлер, глядя на того, – отдыхайте, я вас позвал по другому поводу. Как у вас лично идут дела. Дома все в порядке, – поинтересовался фюрер, заглядывая тому в глаза.

– Так точно, мой фюрер, все в порядке. Жена на сносях, остальные дети здоровы.

– Смотрите, не перекармливайте их, – погрозился пальцем Гитлер, – врачи сказали, что генетически все возможно устранимо. Но все же не будем забывать про природу и обычную еду. Да и вам также необходимо несколько сбросить вес. Берите пример с Геббельса или Гесса. Они в прекрасной форме. Как вы, еще летаете? Или уже забыли, когда взбирались на борт?

– Никак нет, мой фюрер. Только вчера инспектировал полет. Был инструктором, – доложил пока генерал, немного раскрасневшийся от выпитого им вина и не вполне подходящих по времени вопросов Гитлера.

– Ну, ладно, идите, отдыхайте, не буду вас отвлекать. Но с женщинами поосторожнее, – хитро прижмурил глаз фюрер и жестом руки отпустил подчиненного заниматься своими делами.

Тот радостно выдохнул и унесся прочь, насколько позволяла ему его фигура, предварительно спросив, как и положено среди военных, разрешения идти.

– Хитрый черт, – ухмыльнулся Гитлер, зная о том, как он обхаживает сразу двоих, не забывая при этом и свою жену.

Зная премного обо всех грехах его подчиненных, фюрер не страдал от зависти, а раздражался только тогда, когда какие-либо длительные загулы мешали непосредственно исполнению его приказов.

Но что-то сделать в таких случаях он особо не мог, потому как не на кого было в точности положиться, да и посвящать многих в такие дела было вовсе ни к чему.

Потому, он терпеливо ждал их возвращения на службу, а уже затем отчитывал так, обхаживая вокруг тела кругами, что у тех самих кружилась голова, и они теряли все свои силы, вследствие чего беспрекословно подчинялись и бросались сразу в бой, чего бы это не стоило.

Такие инциденты души присутствовали довольно часто и с очень многими. Виной тому, конечно же, было постоянное напряжение и практически ежедневное нахождение на службе вне всяких выходных, так как фюрер требовал постоянного и порой незамедлительного исполнения всего им сказанного.

Оттого многие терялись на время из его видимого обзора и порой приходилось подключать к этому гестапо, чтобы определить местонахождение того или другого, бывшего или настоящего соратника по партии.

С остальными он, конечно же, поступал по-другому. Их ждала самая высокая мера наказания – ссылка на фронт или обычный расстрел.

Потому, в окружении Гитлера все же присутствовала кое какая каста в лице бывших и настоящих соратников по партии, которым было позволено практически все, вплоть до такого личного самоустранения от всех исполняемых ними дел.

Но во многом Гитлер все же не обижался на них и реально понимал, что те просто выключаются из его игры, ибо не обладают в достаточной степени той силой, которой обладал он сам.

Фюрер недаром изучал все религии мира и абсолютно не традиционные для европейцев их аналоги среди других земных групп населения Земли.

Он неспроста отправлял и разные экспедиции, каждая из которых доставляла ему необходимые для произведения общего анализа материалы.

Привозились, порою, и артефакты, но лично сам Гитлер им мало доверял, понимая, что они могут быть просто подделаны, если не его людьми, то кем-то из более ранних.

Потому, его в большей степени интересовали книги разных народов и именно с ними он начал бороться по-своему еще вначале своего восхождения.

Это была своеобразная месть за свои малоимущие знания, доставшиеся напрямую от предков, и это же было яркая демонстрация силы развития мысли нового направления.

Он так это и обозначил в своей книге «Майн Кампф», хотя вряд ли кто это понял, копаясь в ней и перелистывая из одного конца в другой.

Гитлер непременно хотел сосредоточить всю власть на земле в своих руках.

Ни в Бога, ни в черта он, естественно, не верил, хотя прилагал все усилия к тому, чтобы остальные верили как раз обратному.

Сам же он по-настоящему занимался наукой и сбором всех сведений, которые были связаны с бессмертием человека на Земле и с самой силой такого бессмертия, которая неизменно присутствовала в нем самом, и он это ясно чувствовал у себя внутри.

Кое какие оккультного характера штучки он все же себе позволял, но не увлекался ними долго и совсем скоро в них вовсе разочаровался. Впоследствии он приказал уничтожить всех тех, кто этим занимался, под предлогом обычного жульничества или откровенного обмана населения его страны.

Так со временем в нем самом начало проявляться то, о чем мы сейчас непосредственно говорим, и благодаря этому тот же Гитлер вполне способствовал собственной стойкости в апартаментах величины его жизни.

То есть, он фактически питал силу энергии Земли, или плеяды тьмы, как он сам именовал это странное воздействие на себя в моменты внезапно наступавшего, несколько экзальтированного и очень скороговорно подвижного мракобесия.

Что это такое?

Человеческому потворству грехов нет предела на Земле. И Гитлер, естественно, знал об этом, как знаем о нем же и все мы, но не придаем фактического значения.

Адольф же, начиная с детства, или самых юных лет своей жизни весьма значимо предавался идее практически насильственного поклонения грехам. Можно даже сказать, что он практически их испытывал на себе, исповедуя те или иные проказы, допустимые в его возрасте.

Будучи слабым физически, он явно желал привлечь к себе ту силу, которая смогла бы уберечь его от какой-либо расправы со стороны своих сверстников.

С моментами этапов взросления, меры такого экзальтированного характера восприятия мира становились более сильными и более выраженными. Он уже не довольствовался мелкими грешками, а находил себе довольно серьезные грехи, так сказать, из среды более старшего поколения.

В конце концов, он довел себя до такого состояния внешней и внутренней анимации жизненной среды, при котором даже его самое малое мимолетное возбуждение приводило весь механизм движения его тела в действие, благодаря чему он мог вполне моторно расходовать весь свой запас припасенной физической или словесно накопленной энергии.

Всё это законы физики, которые сам Гитлер очень чтит и по-настоящему окружал себя учеными, свезенными к нему со всего мира всего с одной единственной целью – его единственного наполнения.

Чем? Знаниями. Вот чего по-настоящему добивался фюрер, а потому всячески проводил опыты над людьми, занимаясь непосредственно под руководством самих профессоров самых различных наук.

Этим же выражено его стремление победить весь мир, так как сила энергии его души подвигала именно к этому, а потому и он сам был весь направлен только на это.

Но нельзя в то же время усматривать в самом обычном человеческом организме какого-то монстра или подземельное чудовище.

Этого не было, да и по-настоящему нет на самой Земле. В деле Гитлера всего лишь смешались функции жизнедеятельности организма с функциями жизнедеятельности ядра Земли.

Эти процессы происходят периодически на планете, то и дело, вынося в сам объект среды, то есть наружу, в общество людей так называемых нелюдей.

Их можно по-разному обозначать, но все они целеустремленно преследуют одно. Свое личное достижение величины силы в показном или менее таковом доказательстве своих лично произведенных грехов.

Это по-настоящему физический процесс и он обусловлен временем изъятия из недр Земли так называемых элементов диалептической связи, подача которых осуществляется с помощью проходимой эквилиптики земного ядра на базе имеющихся природно элементарных частиц.

Можно даже сказать, что это обычная квантовая теория Эйнштейна в действии, которой и воспользовался по-настоящему Гитлер, всего лишь наследуя один единственный принцип генетического молекулярного нерасщепления.

В родословной самого фюрера существовали так называемые пробелы.

Он долго и тщательно просматривал целую лавину всевозможного рода документов, пока, наконец, не добрался до самой истины.

Где-то посередине веков, а именно в 15-16 столетии в его роду было запечатлено так называемое сварное вырождение. То есть, на свет появились спаренные или сросшиеся близнецы.

Это и был именно тот признак, который в последующем сыграл весьма значительную роль в деле своеобразного накопления отрицательно заряженных частиц при всех последующих молекулярных исполнениях генетических тел так обозначенного рода.

Все эти документы Гитлер тщательно изучил и упаковал под воду. Знаний по его делу собралось достаточно, а потому он попросту решил ото всего избавиться, как от излишне фигурирующих доказательств о его, так называемой ненормальности.

Помимо того, он не хотел, чтобы кто-то еще проследил его генетическую линию развития и набрел на то, к чему он пришел сам.

Потому, фюрер немного изменил некоторую письменность в ряде документов и добавил к своему генетическому накоплению несколько иных штрихов, которые впоследствии и оказались еврейского происхождения.

Но это не смутило самого Гитлера, и он сам лично по тому высказывался так:

– Все мы знаем, что произошли от обезьяны, в том числе и я сам. А, кто сказал, что еврей – это не обезьяна только другого рода. Это природа, и от нее не уйти.

И он картинно разводил руками, словно этим говоря, что поделаться уже ничего нельзя и пусть будет, как есть. Тем более, что это давно забытая линия и все последующие поколения чисто германского происхождения.

Так что, он сам как бы не отрицал своего такого причастия к еврейскому делу, но в то же время и не позволял хоть кому-то осудить себя лично в так называемых генетически неразборчивых связях.

Впоследствии он доработал и это, внося в состав той же линии несколько десятков единиц законно русского происхождения. Тем самым он хотел показать, что здесь усматриваются чисто природные шаги, основанные на более давнем образовании самих людей.

Потому, частично он даже признавал некоторые славянские корни, в прошлом именуемые так же ариями, но, как он сам говорил, допустивших снижение своего генетического величия и опустившихся до воспроизводства обычных русских.

У фюрера всегда были на то ответы, и подобных дискуссий он никогда не боялся, так как был хорошо начитан и подпитан по-настоящему существовавшей на тот период наукой.

Весь свой научный мир он заключил своеобразно под стражу, хотя и делал время от времени исключения, исключительно для того, чтобы уже они имели возможность посмотреть на мир.

Что же касается их здоровья или обычной простой семейной жизни, то эти проблемы были решены изначально, а потому никто из них практически ни в чем не нуждался.

Вся элита гитлеровского научного мира располагалась непосредственно у него под рукой, что значит, под ним и в прямой доступности.

Для этого и существовала кнопка соответствующего назначения, которая приоткрывала вход в подземный бункер, который соединял самого Гитлера практически со всем миром, если проиллюстрировать то, какие и куда ходы под той же землей были прокопаны.

Над тем трудилось множество заключенных из других стран и его собственных граждан, предавших по-своему интересы Германии и, соответственно, Рейха.

Гитлер мог даже следовать в какую-либо из сторон непосредственно под землей на своем личном поезде, так как, по сути, пути были проложены везде, куда только могла дотянуться его по-настоящему ведическая мысль.

То, что он обладал своеобразной проницательностью, является самым настоящим фактом реально отображенного его же жизненного присутствия.

И этого, в большинстве своем, никто из его окружения не отрицал. Именно потому его партийные друзья и избрали предводителем, так как реально признавали за ним величину его силы повелительного и возбуждающего характера.

Во многих своих отрицательных чертах, Гитлер все же имел положительные наклонности и по целому ряду действительно существующих проблем принимал самые решительные меры с целью их скорейшего устранения.

Своеобразно, фюрер также любил детей, и хотя история несколько скрывает именно эту сторону его природной наклонности, предлагая только так называемую официальную версию, все же были случаи его действительно реального жизненного участия в разрешении судеб отдельных из них.

Создав специальный так называемый многодетный молебник (что-то среднее между монастырем и обыкновенной школой), он в буквальном смысле вырастил многих детей, некоторая часть из которых и до сей поры проживает на Земле.

То была личная забота его самого о так называемом подрастающем поколении арийцев, способных в будущем осуществить его мечту о полном перевоплощении мира и создании на Земле целой колонии людей арийского происхождения, или так называемых людей-гигантов, которая смогла бы удерживать всех остальных в рамках им дозволенного существования с целью облагораживания самих себя.

Он вычислил для себя всего несколько наций или национальностей, по его расчетам способных достичь такого же совершенства и унаследовать общее дело всецело генетического наследия. Все остальные, естественно, подлежали генетическому уничтожению.

Как видите, планы Гитлера касались не много, не мало, а всего населения Земли и практически полного переустройства мира взамен тому, который присутствует уже сейчас.

В то же время, возвращаясь непосредственно к теме детей, нужно сказать, что никаких так называемых сексуального характера наклонностей по отношению к ним фюрер не имел и в большей степени придавался чувству действительной жалости при виде, как ему казалось, совсем обездоленных детей.

При этом он, конечно, усматривал именно свою позицию обустройства мира и иногда даже пускал слезу по поводу своей предполагаемой безвременной кончины и оставшегося в связи с этим без его личного присмотра детского наследия Германии.

Все же Гитлер отдавал себе отчет в том, что многое он делает и воздаст для самой страны и непосредственно для самих немцев. И нельзя сказать, что сами немцы этого не видели или тянули руки вверх просто так.

Нет, этому не способствовало гестапо, хотя оно, несомненно, за всем наблюдало и даже поочередно заставляло кого-либо действовать именно в таком плане.

Этому способствовали сами люди, то есть те немцы, которые подчинились самому фюреру и приняли его за действительно перевоплощающегося вождя, как то когда-то было в более далекие и давно забытые всеми времена.

Но они были забыты теми непосредственными людьми, что творились по генетической линии и присутствовали на тот момент сложения страниц истории.

Сами же души, присутствующие в них, или моменты самих сложенных вековых человеческих жизней, говорили, как раз, о другом, и по-своему очень четко видели или наблюдали именно ту позицию, которую занимал Гитлер по отношению к ним самим.

А именно: он наполнял их всех пламенными речами, отчего, соответственно, в них возрождалось пламя собственного огня, так или иначе, но добытого на заре восхождения самой Земли, как планеты единственного общего человеческого начала.

То есть, фактически Гитлер давал возможность душам привить и себе немного тех качественных способностей, которыми обладал он сам, и к которым стремилась каждая земная душа, начиная с самого первого момента сбора так называемых грехов.

По-своему это называется всеобщим очернением масс, когда на почве индивидуально обостряющихся чувств, или особой тяготы к более лучшему, лично идущему материальному благополучию, возникает процесс своеобразного стяжательства из-под недр Земли силы откровенной темной энергии, которая основательно состоит из базы весьма узнаваемых и на поверхности Земли частиц элементарного происхождения.

Это также физика и ничего противоестественного здесь абсолютно нет.

Таким образом, декларируя перед народом какие-то новые и лично свои обязательства по их общему материальному обогащению, лидер действовал на подсознание самих людей, вызывая внутри них те самые процессы, которые улавливали самые элементарные частицы пространства Земли и позволяли им присоединиться к подобно располагающимся внутри, тем самым изменяя их внутреннее строение, а в последующем генетически отлагая клетку мозгового вещества, которая вполне реально воздействовала на сознание, привычно меняя обычное настроение.

Вот в чем причина такого всецело осознанного устремления целой нации к полному разрушению всех остальных государств и реальному притоку материально обозначенных средств с целью их практического жизненного обогащения.

Сейчас бы это обозначалось уже несколько по-другому и полноценно именовалось бы жизненным целеустремлением целого народа, приводной силой которого являлось вполне оправданное тем временем бедственное положение. Годы всеобщего признанного кризиса мирового капитала – самое яркое доказательство тому процессу, практически получившему живую силу в лице на тот момент появившегося лидера из числа так называемых национал-социалистов германской среды.

Такое обозначение дел вполне реальное и существенное, но не стоит забывать и о том, что все люди, присутствующие на Земле, прежде всего энергетические основы, фактом рождения самого тела лишь подтверждающие сам признак своего существования.

Гитлер прекрасно осознавал все это и понимал, естественно, что к чему.

Он также знал премного и о душе и именно по этой причине приказал зажечь везде печи и практически сжигать тела для последующего уничтожения самих душ.

Об этом было много написано в так называемых живых трактатах внеземных жизней, с которыми сам Гитлер успел ознакомиться и тут же сжег. Дабы не досталось это никому другому.

Уметь правильно оценивать свои возможности фюрер обучился не в самой жизни из обстоятельного числа различных научных источников, а как раз из тех самых трактатов, которые были написаны уже не земными существами, а просто были оставлены ими на Земле, как живое доказательство тому, что они когда-то на ней так же присутствовали.

Так что очень многим существующим историческим провалам мы все обязаны именно фюреру с его неумным стремлением обо всем знать.

Именно ним были уничтожены целые группы документальных свидетельств о том, как строились египетские пирамиды и как добывалась слава египетских жрецов.

Благодаря нему потеряно самое живое доказательство присутствия на Земле самого Бога и уничтожен целый ряд артефактов, несомненно, принадлежавших тому времени его пребывания на Земле. При этом я имею в виду пребывание на земле Иисуса Христа.

Гитлер не мог смириться с мыслью о том, что кто-то гораздо сильнее его мог обладать священными узлами скрепления Земли и выражать свою силу повседневно, причем в изрядном количестве вне всякого длительного ее накопления.

К тому же он лично не переваривал евреев и никак не мог допустить то, чтобы указанные документы оказались непосредственно у них.

А охота за ними шла на протяжении многих веков, и только Гитлеру удалось расшифровать тайну так называемой транскрипции и практически обнаружить то, что он впоследствии уничтожил.

Естественно, это он сделал не сам, но под его непосредственным руководством трудилось сразу несколько самых выдающихся ученых того времени, имя которых теперь малоизвестно, благодаря тому же фюреру и его особой жестокости в деле сохранения секретов его судьбы.

Во многом преследуя те самые древние письмена, как первого, так и второго нами рассмотренного значения, Гитлер, несомненно, хотел присоединить и себя к вышеозначенной касте Богов, и уже абсолютно по-своему, и со своей точки зрения боролся с этим путем такого харизматического исполнения внутренне возникающего желания во всем победить.

Но Бога, как известно, из него не получилось, и это он сам отлично понимал, зная, что унаследует не совсем то, что должен присоединять к себе Бог, если бы он, действительно, устремлялся именно к такому выражению воли своей души.

Сила темной материи, о которой знал фюрер, не могла противостоять силе света и тепла, вместе обозначающейся белой силой.

Познав такое определение в самом себе, и определив сами стороны своего личного жизненного участия во всем этом процессе, Гитлер сам поставил себя на сторону побежденного, тем самым и предопределив свою собственную судьбу.

Но, продолжая наблюдать за тем, как развиваются его собственные успехи в самой жизни, он неоднократно менял свои убеждения и, порой, действительно думал, что приближается к богам.

И только в конце так называемой второй мировой войны он окончательно убедился в своем поражении вполне природной силой, отчасти отнесенной уже в его воображении непосредственно к Сталину, или им представленному Советскому Союзу.

Таким образом, у Гитлера был так называемый шанс возможной победы над всем миром, но он его упустил, окончательно доверившись тому, что называется силой материи Земли или по-простому темной силой, наблюдающейся где-то внутри ее самой под основной толщей самих земных пород.

Вполне очевидно, что к тому имелась и так называемая природная склонность, и указанная ранее генетическая выраженная молекулярная нерасщепленность является, в основе своей, самым настоящим предвестником возникновения так обозначенной величины небесно солнечного противостояния.

Об этом, в частности, во многом говорится в книгах человеческого изуверства, где очень четко представлены все действия так именуемого сатаны, или дьявола (в разных изданиях по-разному), на основных этапах его периодического развития.

Но, не позволяя себе допустить здесь, в этой книге, такое вовсе не популярное для издания заключение, это же можно перефразировать уже с точки зрения современной науки следующим образом.

Природа психопатических наклонностей живых представителей человеческой среды берет свое начало именно из воспроизводимого природно молекулярно жизненного нерасщепления генетически создающихся плодов от какого-то конкретно выраженного оплодотворения.

Прослеживая полностью всю линию так называемого генетического возрождения того или иного человека, можно вполне вычислить такое состояние и определить сам момент зарождения такой величины силы.

То есть, по сути, все выражающиеся сейчас, особо активные формы психопатического восприятия окружающей среды, или действительности, могли быть заранее вычислены благодаря самым настоящим профессиональным знаниям ученых генетиков, теоретическая основа которых вполне подтверждает факты прямого искажения сознания на основе неполноценности так называемой молекулы ДНК.

Помимо это существуют и иные формы точно такого же определения уже на основе произведенных анализов и некоторого моделирования образования указанной молекулы, как достижение общего результата от взаимодействия различных основ представленных природно определенных генетических групп людей.

Естественно, Гитлер в свое время не мог знать этого, хотя и был ознакомлен с таким положением дел.

Но тех нескольких ученых, у которых он сам практически наблюдался, ему пришлось по-настоящему казнить, так как непосредственно уже и им по ходу производимых ними экспериментов начали приходить соответствующие уже нашим настоящим выводам мысли.

Догадавшись об этом практически по выражениям их лиц, фюрер тут же распрощался с ними, одновременно уничтожая всю находящую под запретом документацию и даже какие-либо, возлагающиеся на бумагу в виде обычных росчерков пера, наброски.

Все это он проделал, как раз, накануне той самой войны, о которой еще воочию не объявил, но о которой знали уже практически все из его ближайшего окружения и так называемые союзники за рубежом.

Не секрет, что армия фюрера поддерживалась многими промышленными гигантами, часть из которых принадлежала Америке, как самой крупнопромышленной стране на тот период времени. И хотя так называемая депрессия несколько повергла в шок самих их руководителей, все же сама промышленность присутствовала и набирала силу, прямо скажем, соответствующую тому времени.

Ее, естественно, пытался догнать с очень большим трудом и Советский Союз. Но пока достичь того ему не удавалось, хотя Сталин делал все возможное для того, чтобы сама экономика развивалась по-своему.

Сама Германия не была в тех многочисленных рядах, хотя непосредственно в ней и присутствовало то небольшое, что она сама производила, ибо сам Гитлер распорядился по-своему и велел просто здесь собирать всё то, что производилось где-то за рубежом.

Естественно, тому были вполне очевидные причины, одной из которых являлось фактическое недоверие всему остальному миру в деле признания Германии единственно правящей страной.

Собирая какие-то значительные по своему масштабу научно-политические конференции, Гитлер, несомненно, преследовал цель так называемого показного успеха его руководства в своей стране.

Еще с самых ранних времен он не был лишен практического честолюбия, которое прикрывалось лишь внешне обозначенной застенчивостью.

Он не любил особо тожественно происходящие приемы, но всячески поддерживал так называемых журналистов, если речь шла о его великой Германии, которая, по его словам, ступила на путь развития настоящего цивилизованного государства.

При этом он умалчивал, конечно, о созданных непосредственно ним самим концлагерях и тех опытах, что производились над людьми, целиком и полностью настаивая лишь на том, что в некоторых местах действительно есть заключенные им люди, но только в порядке профилактического наблюдения, которое выражается в прямом отсутствии у тех людей обычного желания трудиться.

По поводу погромов еврейского населения Германии, он объяснял еще проще, и при этом всегда усмехался, немного пряча свои плохие зубы.

– Не нужно было копить столько богатств там, где народ, по сути, проживает в нищете. Это не я и не мои люди громят их поместья или квартиры. Это обычный народ, который они достали своим стяжательством и повсюду распространенной ленью своего личного труда. Вот и вся причина, о которой вы так громко спрашиваете, – обращался он всегда к журналистам, пытающимся налегать на так называемое имущественное право на саму жизнь.

Самыми сложными отношениями между людьми можно было бы обозначить его взаимоотношения с Евой Браун, которая по-настоящему была ему одновременно и женой, и любовницей, хотя и находилась в статусе общей неопределенности.

Потому, говорить о том, что Гитлер был абсолютно точно женат, не приходится, и вполне определенно это можно выразить лишь фактом так называемого совместного проживания.

В самой Еве он видел свою движущую силу и во многом купался уже в ее личных грехах, которым не было конца и краю, и о которых, естественно, знал только он лично сам.

Ева присутствовала при многих так обозначенных казнях и лично казнила тех же заключенных.

В ней не было факта так называемого материнства, и сам Гитлер отлично знал об этом, а потому никогда не предохранялся, делая с ней все, что его душе угодно.

Тому же способствовала и сама Ева, еще в раннем возрасте с помощью врачей перевязавшая свои маточные трубы, что бы, как она сама говорила, не дай Бог, разродиться кем-либо еще из ее племени.

Так она обозначала свой род по генетическому исполнению, который так же относился к евреям и был по-настоящему ими богат, хотя в последней двухразовой цепи там появились исключительно немцы.

Но Гитлер и здесь поработал на славу, значительно усилив ее арийское происхождение, внося в ее дело немало новых бумаг, которые были необходимы для придания ей соответствующего статуса так называемой подруги фюрера.

Именно в таком статусе она и пребывала, и только перед самой войной была обручена непосредственно с Гитлером, а лишь в конце войны он заключил с ней сам брак, как бы пытаясь доказать им обоим, что эту жизнь они прожили не напрасно.

– Мы долго грешили с тобой Ева, – так обратился к ней фюрер перед непосредственной росписью, – но нам давно пора обрести себе общее пристанище, в котором мы будем вечно неразлучны, как на самом деле, так и в деле благополучного обустройства наших душ где-то там на небесах.

И хотя Гитлер прекрасно осознавал сказанное и знал, что соответствия его словам не будет никогда, все же он их произнес и даже несколько приподнял голову при этом вверх.

Прекрасно знала обо всем том и Ева, так как в большинстве была посвящена во все его дела и даже знала свое настоящее неарийское происхождение.

Но она была действительно увлечена самим Гитлером, хотя на их жизненных взаимоотношениях отразилось все, что только может быть между различными по типу людьми.

А потому, согласилась с таким выводом, отлично понимая, что они вместе попадут в ад, но то будет уже после смерти, так что и бояться чего-то у нее не было причин.

К тому же, пребывание в том самом аду, сам Гитлер обозначал приятным, сравнивая его просто с обычным приемом по городскому наполненной ванной.

– Это, как погреться в ванной, моя душечка, Евочка, – очевидно, подразумевая под этим «моя маленькая душа», ибо именно так он представлял себе ее душу, которая просто чернела где-то в его правом глазу в виде точки или абсолютно маленькой фигурки, когда той не было с ним рядом, как обычно.

И надо сказать прямо, что таким свойством прямого внутреннего видения Гитлер все же обладал, иногда наблюдая даже за самим собой в периоды его особого расслабления или, как говорят, когда душа на время покидала его тело.

Сама Ева особо не огорчилась именно этим обстоятельством, неожиданно открывшимся перед ней в период особого откровения самого Адольфа.

Практически ей было все равно, куда там она попадет в рай или ад, лишь бы быть с фюрером, которого она обожала больше всего.

Многие письменного характера документы того времени мало отображают картины ее непубличного влияния на руководителя государства. Но, тем не менее, это все же было и от ее видов на жизнь иногда слагалось и мнение самого Гитлера.

Как и говорилось, об этом нигде не было указано в каких-либо отчетах, которые, кстати, сам фюрер лично контролировал, так как любил по-настоящему историю, но вполне жизненные подтверждения именно этого факта имеются.

– Все дело в Еве, – так говорили иногда соратники Гитлера, переглядываясь между собой, но, ни слова не говоря больше, и тем более, вслух.

– Возможно, она дает ему больше, чем мы, – и так говорили они же.

И, наконец, высказывались напрямую, разговаривая между собой где-то в захолустных подвалах пивных, в которых по-настоящему напивались и творили все, что угодно.

– Эта Ева, она настоящая сучка. Она владеет фюрером по-настоящему. Мы никогда не приблизимся к нему на такое расстояние.

– Но мы же не женщины, – следовал хоть какой-то ответ, вырванный буквально из ночи, так как обычно такие разговоры проходили практически в полной темноте.

Это была своего рода конспирация или маскировка. Что же касемо голоса, то все прекрасно знали, что его вполне можно подделать, а значит, и не боялись высказывать свое личное мнение в отношении любовницы самого Гитлера.

Таким образом, если не среди самих документов, то в среде так называемых воспоминаний все же можно найти что-то подобное, которое и укажет именно на тот факт.

Но, как бы там, ни было, Ева все же обладала свойством уникального давления на мозги фюрера и время от времени выпрашивала от него подачки в виде внесения каких-то изменений в их обыденно протекающую жизнь.

Она создала в буквальном смысле женские концлагеря, хотя на самом деле Гитлер был против этого. Она ввела так называемый налог на землю для обычной бюргерской среды. Она изъяла во многом пиво из общей распродажи, оставив его только непосредственно в пивных забегаловках или гаштетах.

Она приковала внимание Гитлера к России, и она, наконец, последовательно и долго все время трубила ему о том, что он слишком мало ей дарит подарков в виде дополнительно приобретенных земель, а также вместе с ними поставляемых ценностей.

Вполне естественно, что после каких-то очередных требований, которые непосредственно гармонировали с так называемыми сексуального характера отношениями, сам Гитлер принимал решения и подписывал приготовленные им же приказы к исполнению.

Немцы многим обязаны этой женщине, так как благодаря именно ней саму Германию буквально наполнили золотом и всем остальным, часть которого сохраняется и по сей день в тех же самых местах, ожидая лишь своего буквального перевоплощения.

Это же относится в большей степени и с привлечением в ту же страну культурных ценностей, основная часть из которых была действительно добыта именно таким путем.

Сам фюрер наблюдал в Еве не только соискательницу земных приключений, но также и женщину, которую необъятно любил и перед которой даже вставал на колени в минуты своей откровенно половой слабости.

Ева пользовалась этим и вела, так сказать, свою игру, преследуя именно те цели, которые лично и были нужны.

Она напрямую занималась женскими концлагерями и вполне находила там то, что ей и было нужно, по большому счету.

Она не относилась к лесбийскому началу, но таковой фактически была, хотя и не признавалась о том внешне.

Но Гитлер любил ее и такую, и, несмотря на все вывихи ее самосознания, как он сам говорил, узнавая в очередной раз о ее похождениях в концлагерях, признавал в ней именно ту женщину, которая ему и была, так сказать, искренне нужна.

Он даже пытался писать с нее картины и где-то в запасниках подземных дрезденских галерей есть его личные наброски, которые до сей поры сохранились.

Но это не самое главное. Главное то, что после самих мало удачных попыток обрисовать так желаемое им тело, он превратился в настоящего собирательного характера монстра, стремящегося любыми средствами прибрать к рукам все имеющиеся в мире живописи картины, и в особенности связанные с изображением на них голого женского тела.

Тем самым он как бы хотел обрести Еву вторично, и наполнить уже свои собственные галереи теми художественными произведениями, которые ему действительно нравились.

Во многом, соблюдая вполне традиционные для него самого древнееврейские корни, он все же признавал в Еве так называемую мать Земли и порою возводил ее до величия богов или той самой Геи, которая присутствовала в древнегреческой мифологии.

Отчего сама Ева еще больше становилась недоступной и в приступах очередной мольбы фюрера просила именно того, чего наиболее могла пожелать.

И Гитлер послушно исполнял ее волю, рассылая во все стороны света свои экспедиции, основной целью которых стояло, как раз, то, о чем мы и говорили.

Странностям человеческой природы, порой, нет предела. То же относилось непосредственно к Браун, если более подробно разбирать все ее так называемые мало разумные поступки.

То, что их было безрассудно много, описывает сам факт указанного выше, правда, еще не доказанный каким-либо документальными источниками подтверждения.

Как говорилось, Гитлер уничтожал все доклады подчиненных ему служб и ведомств, связанных непосредственно с этим, и соблюдал особую осторожность в деле не придания гласности хоть каких-либо высказываний со стороны тех же подчиненных.

Потому те, кто неизменно сопровождал указанную женщину в ее «праздных» поездках, как правило, исчезал вместе с поданным им же документом, причем непосредственно у фюрера на глазах.

Бывали случаи, когда сам Гитлер пытался лично убедиться в смерти того или иного сопровождающего офицера и фактически сам исполнял приговор, по его мнению, абсолютно справедливый по отношению к тем, кто не умеет держать язык за зубами.

И хотя такой шанс умерщвленным им лично никогда не давался, в душе он оправдывал себя, предусмотрительно успокаивая себя тем, что те в любом случае его предали бы, а значит, и не сохранили тайну о его богине.

То была его истинная муза, напичканная до отказа такого же характера грехами, что и он сам, разве что только в женском обличье.

Таким образом, их объединяло единство души, которое непосредственно и располагалось в том самом молекулярном нерасчленении по генетической линии их обоих.

В итоге, одна душа питала своей энергией другую. Вторая же взамен предавала полному разврату свое тело, тем самым возвращая накопленную природно энергию первой обратно.

Но возвращаясь к законам физики и термодинамики ничего особо загадочного в этом нет, а потому можно просто говорить, что происходил процесс вполне природного взаимозамещения, при котором вид одной энергии сопутствовал развитию такого же характера второй, в результате чего воспроизводилось взаимозамещение, или общая теплоотдача, итогом которой становилось первичное восстановление сил первого вида выражающей себя энергии.

Примерно так это звучало бы на языке физики, если бы она на сегодняшний день всеми теми видами энергий и обладала.

Пока же, особого продвижения в этом деле нет, а потому и приходится говорить так, как оно было принято в более ранние времена.

Но, в то же время, какой бы жестокой и взбаламошенной Ева не была, все же она отдавала себе отчет в том, что обязана фюреру очень многим, а потому со своей стороны чтит уже его самодурство и порой признавала первенство, делая свое тело более легкодоступным.

Так вот на почве всего лишь, можно, сказать, мимолетных или очередных свиданий, творилась по-настоящему немецкая история, которую те же немцы уже сейчас хотят отрицать и не особо желают разбираться в причинах и обстоятельствах того самого странного дела во всей их исторической цепи развития.

Можно было бы еще много чего наговорить о самом фюрере и его своеобразной падчерице, как он сам иногда ее называл, но нельзя не сказать и о том, как он относился к другим людям и, в частности, к своим сослуживцам или друзьям по партии.

В целом, все указанные отношения складывались со всеми у него довольно неплохо. Все ему подчинялись, и особых проблем в управлении у него не было. Случались, правда, кое-какие дискуссии, но они разрешались, и Гитлер от этого не особо страдал как личность.

Зная решительную натуру своего фюрера, многие не пытались с ним спорить и представляли первенство его решения, чтобы потом взвалить вину непосредственно на него самого.

Этим пользовались практически все в его окружении, за исключением разве что каких-нибудь рядовых, от которых сам Гитлер попросту ничего не требовал, просто провожая их взглядом при очередной смене караула.

Но сам Гитлер на такое своеобразное невмешательство не обижался. Он прекрасно знал свою силу и в действительности точно расставлял все акценты каких-либо дел, поручая их то одному, то другому, выбранному им лично, человеку.

Этим он избавлялся от своеобразно присущей каждому начальнику категории любимчиков и давал возможность послужить рейху кому-либо еще.

Хотя непосредственно любимчики все же у него были, и наш Молчун был в их числе, который, естественно, имел немецкое имя и фамилию, которые еще будут нами объявлены чуть позже, но, правда, не в этой главе.

К странностям уже самого фюрера, можно было бы отнести его искреннее желание победить хоть в чем-либо, и этот факт обстоятельства присутствия его души не остался не замеченным в самой истории.

Он все время двигал и двигал массами, желая, как говорится, перепрыгнуть самого себя или, как он говорил, само время. Ему хотелось бесконечно большего, и именно этим своим качеством он погубил многих и многих, довольно талантливо командовавших на всех фронтах.

Но пока речь идет о довоенном времени, а потому будем придерживаться его субординаций.

На момент нами описываемой сцены празднования его дня рождения, Гитлер был забываемо счастлив, хотя в то же время беспрестанно оглядывался по сторонам.

С ним рядом не было Евы, и это его несколько удручало, так как он привык советоваться, или обсуждать кого-то непосредственно с ней.

Наверное, силком напросившаяся на званый обед, чья-то генеральская жена то и дело бросала на него пытливые взгляды, отчего самому фюреру становилось не по себе, и он испытывал истинное омерзение при виде этой довольно дородной немки во всю ширь своего свободного декольте демонстрирующей ему свою пышную грудь.

Адольф водил глазами по сторонам, абсолютно игнорируя так называемые ужимки еще молодой немки и в беспокойстве дергал время от времени ногами.

Его топорщащиеся усы внезапно резко опустились, а рот надежно сомкнулся свободным ходом его челюстей.

В общем, Адольфу стало не по себе, и он весь чувствовал себя как-то неуютно на своем собственном празднике, что ему вскоре пришлось его покинуть или исчезнуть, но совсем незаметно.

Как это всегда и водилось, его незаметно заменил двойник, и сам фюрер облегченно вздохнул, едва только спустившись в тот самый тоннель, о котором мы уже говорили.

Схема подмены была разработана очень тщательно, и о ней не знал практически никто, кроме самого Гитлера, его соответствующего для указанного мероприятия двойника и еще нескольких человек его личной охраны, одним из которых и был наш разведчик, в свое время получивший чин генерала из рук лично фюрера.

На время отсутствия его подменял другой человек, так же, как и он сам, своеобразно ходивший в любимчиках Гитлера и имеющий такой же чин, как и у него.

Они оба числились военными атташе, хотя понятно, что их истинная роль была именно в этом.

Но должность обычных телохранителей была слишком омерзительна для самого фюрера, а потому он создал своеобразную службу, как он сам говорил, египетских псов, которые будут охранять лично его. Тем более, что внешне они его устраивали, не говоря уже о личных качествах и особой преданности.

Фактически, они находились рядом с фюрером по несколько дней, но могли задерживаться и на неделю или больше, если того требовали обстоятельства или сам фюрер находился в так называемом отрыве от основного места своего пребывания.

Потому, Молчун вполне имел возможность ненадолго отлучаться из той среды, так как мог использовать ему предоставленное время для отдыха, как хочет.

Но это не значит, что за ним не наблюдало гестапо. Как раз, наоборот, оно следовало буквально по пятам. И он зачастую жаловался на то Гитлеру, что они не оставляют его в покое даже при нужде.

На что фюрер, не без жалости к своему подчиненному, отвечал, что, к сожалению, это их работа и общая безопасность, прежде всего.

Потому, Молчуну приходилось разрабатывать и воплощать в действие свои средства индивидуальной защиты и, как бы странно это не звучало, использовать уже своего двойника, чтобы он на время отвлекал само гестапо.

Тот всегда являлся в назначенное им время, как правило, по форме одетым, что в целом мало выделяло его из общей толпы людей, в большинстве своем так же одетых в военную форму.

Используя собственноручно проделанный черный ход, которым, естественно, пользовался и двойник при входе уже в его непосредственное жилище, Молчун благополучно покидал здание, оставляя своего визави под молчаливым наблюдением секретных агентов гестапо, которых к тому времени в самой Германии развелось, как говорят, хоть пруд пруди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.